

АЛЕКСАНДР ШВЕД - ЗАХАРОВ

16+

ШВЕД - ЗАХАРОВ

АЛЕКСАНДР ШВЕД - ЗАХАРОВ

АЛЕКСАНДР ШВЕД - ЗАХАРОВ

ВЕЧЬ

САНДР
ЗАХАРОВ

СНЯЯ
МОСКВА

БЕСТСЕЛЛЕР

БУДУЩЕГО

Александр Швед-Захаров

Бестселлер будущего

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Швед-Захаров А.

Бестселлер будущего / А. Швед-Захаров — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Сборник ужасных, фантастических, жестоких рассказов, происходящих в разных мирах. Рассказы про ведьм, инопланетян, хищников и прочее, что мы не хотели бы встретить в реальной жизни. Сборник миров, в которые погружаешься с самой первой страницы, позволяющие всё переживать вместе с героями. Сборник жизненных историй, которые встречаются на каждом шагу, но рассказанные при странных обстоятельствах. Истории, которые потом не забудешь никогда. Истории, требующие экранизации. Истории про нас.

© Швед-Захаров А., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Предисловие.	5
Волчица	6
Аллилуйя!	25
Откровения	28
...и только смерть	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Швед-Захаров

Бестселлер будущего

Предисловие.

Спасибо, дорогой читатель, что купил эту книгу. Значит аннотация написана верно.

Впереди полное погружение в короткие рассказы с обилием крови, ужаса и безысходности. Есть, конечно, и фантастика, но её мало, и она тоже с элементами хоррора.

Я хотел назвать этот сборник «...от мурашек по коже, до удара по роже...», но решил не шокировать публику и выбрать более подходящее название.

Прошу набрать полные лёгкие воздуха, и..... приятного погружения.

Волчица

2019

Пролог.

– Аико, хватит пинать сестру под столом – пыталась прекратить сестринские разборки мать.

– Это не я, она первая начала, – включала оборонительную тактику младшая дочь.

– Ага, как же, она. Сама начинаешь, а потом переводишь стрелки на меня, – монотонным голосом констатировала старшая сестра, погружённая в телефонную переписку.

– Нам надо поскорей поесть и быстрее выехать, чтобы успеть к бабушке с бабушкой за светом. – пыталась успокоить их мама.

– Не беспокойся, любимая. Даже если они устроят тут бой на 15 минут, мы всё равно успеем. – положив руку на её плечо, попытался успокоить жену, отец семейства.

Семья Туралысовых встала сегодня пораньше, чтобы позавтракав, отправиться в пяти-соткилометровое путешествие из Мирного в Удачный. Путь, пролежавший в основной части своей через зелёный массив, периодически чередовавшийся каменистым ландшафтом, начинался асфальтом, который в определённый момент переходил в грунтовую дорогу. И хоть она была окружена деревьями с обеих сторон, встречались участки пути, где грунт превращался в глину и жижу, что позволяло проехать только особо подготовленным автотранспортным средствам. К тому же, очень часто, в летний период времени летевшие камни из-под колёс, портили лобовые стёкла машин. Поэтому, зимой этот путь был наиболее приятен.

Цель поездки была – празднование Нового Года у родителей главы семьи, которые жили в г. Удачный, и также, как и их сын, имели отношение к алмазной индустрии двух этих небольших городов. Располагаются эти два населённых пункта близ карьеров, в которых добывают алмазы и имеют огромное значение для алмазодобывающей индустрии страны.

Старшая дочь Саяна, активно противилась этой поездке. Уже прошло то время, когда поездка к бабушке с дедушкой для празднования Нового Года, с большой ёлкой в гостиную, подарками под вечнозелёным деревом по утрам, заревом фейерверков во дворе, было чудом и из ряда вон выходящим событием. Всё это перестало быть магнитом. Секреты она знала, крабовый салат утратил волшебство, а желание разделить следующий день с родственниками куда-то улетучилось. Одним словом – скучно. Она так и говорила в своё оправдание, когда родители уговаривали её поехать отмечать Новый Год к бабушке и деду.

Младшая, Аико, наоборот, стремилась в гости к бабе и деду, в их большую трёхкомнатную квартиру в Удачном, наполненную теплом и ароматами свежей выпечки, которую бабушка затевала всякий раз, когда младшее поколение приезжало к ней.

– Саяна. Отложи телефон. Удели внимание сестре, ведь она так активно пытается добиться твоего внимания – с юмором попросил отец.

Старшая дочь посмотрела на папу, потом перевела взгляд на сестру и после продолжительной паузы, когда она взвешивала все за и против, отложила телефон, после чего развернувшись к Аико, спросила младшую сестру: «Ну что, как тебе понравился «Карлик Нос»?»

Младшая замерла с открытым ртом. Было видно, как она вспоминает сказку, которую ей читала мама недавно. Её глаза бегали из стороны в сторону, с одной чёрточки лица, старшей

сестры, на другую, словно глаза загнанного зверька. Саяна знала, что будет дальше, она была уже достаточно взрослой, чтобы просчитывать реакцию сестры и знать, что последует за этим.

Глаза младшей постепенно становились влажными от слёз, ещё мгновение и слёзы покапались по пухлым щёчкам, и Аико выдавила из себя стон, символизирувавший начало детской истерики.

– Саяна! – повысила тон мать, встав из-за стола.

На лице старшей сестры заиграла кроткая улыбка торжества и не произнося ни слова она покинула кухню. Спустя мгновение послышалось, как закрылась дверь в детскую комнату.

Мать села рядом с младшей дочерью и стала утешать её. Отец, прекрасно понимавший весь расчёт Саяны, сжимал кружку в руках, пытаясь подавить приступ редкого минутного гнева. Периодические «разборки» между дочерьми, которые возникали лишь из желания доказать, кто важнее и главнее, его, человека привыкшего рационально тратить время, выводили из себя. Уставившись в одну точку, он пытался совладать с собой, отключив слух, дабы не слышать завывания Аико.

Его жена, Умсуре, была умной женщиной, и о состоянии мужа могла понимать по мимике, по едва заметным ноткам в его голосе или по его скупым ответам, сопровождавшимся скованными движениями, словом по мелким штрихам.

– Эрган, Эрган, – голос жены выхватил его из собственных мыслей, – Эрган, любимый, начни спускать вещи в автомобиль, а я соберу Аико и поговорю с Саяной.

Эрган понимающе кивнул головой и одевшись, захватив половину вещей, стоявших в коридоре, покинул квартиру.

Оставшись наедине с младшей дочкой, Умсуре крепко прижала её к себе и целуя её чёрные волосы, пыталась успокоить Аико.

– Не переживай, Карлик Нос не страшный, просто жизнь его так изменила. Поставила в трудную ситуацию, и он пытался выйти из этой ситуации. В результате у него это получилось. Сказка о том, что как бы тебя не кидала жизнь, нельзя вешать нос, надо бороться и выживать в тех условиях, в которых оказался.

– Мама, но я не Карлика Носа испугалась, а злой ведьмы. – успокоившись в материнских объятиях возразила малышка.

– Ну а что её бояться, её же в конце победили, чары её исчезли.

– Но она очень страшная.

– И что с того? Карлик Нос её не испугался, и победил, значит она не такая страшная. Всё потому, что он не сдался и не отступил. Боролся за себя. Страх можно преодолеть, зависит от того, как к нему относиться.

– Это как?

– Просто представить, что ты можешь победить, ты угроза, напугать свой страх. Ты победитель страхов. Когда Карлик Нос решил, что победит злую ведьму, тогда он это сделал.

– Ммм, – протянула Аико и ушла в раздумья.

Мама освободила её из своих объятий: «Я пойду поговорю с твоей старшей сестрой, нам нужно пораньше выехать».

В прихожей Эрган собрал оставшиеся вещи, уходя бросил: «Жду вас внизу, не задерживайтесь»

– Конечно, дорогой, сейчас все соберёмся. Не стой на морозе долго, жди нас в машине, – крикнула она ему вдогонку, направляясь к комнате детей.

Забив весь багажник своего «паркетника», Эрган достал сигарету и закурил, окунувшись в свои мысли. Две недели назад, он и ещё два его сослуживца, ездили на охоту в лес, за 150 километров от Мирного. Там у одного из них есть охотничий домик, куда они навещаются три раза в год своей компанией. В последний раз охота особенно удалась, они завалили двух кабанов, одну лисицу и оленя. Но украшением охоты была волчица из маленькой стаи, кото-

рую они встретили в последний день. К сожалению, удалось убить только одну, остальные все бросились врассыпную. Против ружья трудно бороться. Один пытался вернуться, но очередная пуля, оторвавшая ему край уха, избавила его от этой мысли. Времени было немного, вечером нужно было возвращаться в город, завтра нужно было выходить на работу. Поэтому, Эрган освежив волчицу, растянул её шкуру на растяжке и оставил в домике сохнуть. Эта шкура, должна была стать подарком отцу сыном. Подарок, который должен стать украшением квартиры отца, который будет согревать холодными вечерами, покрывая пол зала. Надо было заехать за подсохшим трофеем, дабы это было по пути. Охотничий домик располагался в лесном массиве, который находился на возвышении, в 15 километрах от трассы Мирный – Радужный. С холма можно было наблюдать прекрасную картину занесённых снегом бескрайних просторов, которые пронзала федеральная трасса, по которой мчались маленькие машинки, словно игрушечные. Трое охотников любили сидеть тут летними вечерами, наблюдая эту красоту в алых цветах заходящего солнца. Именно в такие моменты их наполняло чувство умиротворения и свободы, когда не надо никуда бежать, когда ты там, где тебе хорошо.

Стук в боковое стекло вернул мужчину в салон автомобиля. Старшая сестра дёрнула ручку двери в безуспешных попытках её открыть. Отец огляделся вокруг, словно оказался тут в первый раз, а потом нажал кнопку отмены блокировки замков. Щелчок, и в салон ворвался уличный холод, запущенный двумя открывшимися задними дверями. Дети занимали свои места.

– Папа, ты решил нас на улице оставить? О чём задумался? – немного возмущённым тоном спросила Саяна.

– Есть одна важная вещь, которую мы сделаем по пути, дочка.

Дверь пассажира открылась и жена села на переднее сиденье. Она услышала окончание разговора и решила узнать подробности.

– Что мы должны сделать?

– Нужно заехать в охотничий домик, забрать кое-что.

– Что именно? Забыл в последний раз там что-то? – она немного забеспокоилась.

– Подарок отцу, на Новый Год. – он заметил тревогу в её глазах. Взяв в руку на её замёрзшие пальцы, муж успокоил её, – Это быстро. Отец будет очень рад, как мама твоему оренбургскому платку. Это быстро.

– Ну если быстро, тогда ладно. – откинув тревогу успокоилась жена.

Он повернулся к детям: «Девочки, компенсируйте ранний подъём сном в автомобиле. Поспите сейчас, чтобы потом не выглядеть, как сонные мухи».

Аико рассмеялась и повторила: «Сонные мухи».

Через 10 минут, вся женская часть семьи спала, убаюканная теплотой салона автомобиля и мелкими неровностями дороги, которые часто встречались на их пути.

Когда они преодолели 120 километров, проснулась старшая дочь. Она огляделась вокруг, зевнула, протёрла глаза и спросила:

– Пап, мы где сейчас?

– Недалеко от нашей первой остановки.

– Что за остановка? Это то, что мы должны сделать по пути?

– Совершенно верно. В точку. – улыбаясь похвалил её отец.

– Так что там? – проявила неподдельную заинтересованность старшая дочь.

– Это подарок дедушке. Ты сама всё увидишь, когда мы приедем на место. Осталось совсем недолго.

– Пап, а расскажи какую-нибудь историю, что-нибудь интересное.

Эрган начал перебирать в голове различные истории, которые случались с ним.

– Что-нибудь загадочное, таинственное, – оживлённо выдавала Саяна, устанавливая критерий будущей истории.

Ещё немного подумав, отец выдал: «НУ что же, если ты хочешь услышать таинственную историю, то тогда я расскажу тебе про Долину смерти, которая находится недалеко от того места, куда мы едем.

– Да ладно, – воскликнула старшая дочь, – так уж Долина смерти? А почему так она называется?

– Если ты не будешь перебивать, то я тебе сейчас расскажу.

– Думаешь ей уже пора знать эту историю? – он услышал сонный голос жены. Она сквозь сон услышала их разговор и попыталась вмешаться, чтобы потом дочь не видела страшные сны. Муж поглядел в её сторону.

– Думаю, что можно, там всё равно ничего нет страшного. На мой взгляд. Да и она уже не маленькая.

– Ну, если ты готов взять всю ответственность на себя, и успокаивать её по ночам, то тогда ладно, – успокоилась она, не открывая глаз. После чего облокотилась на боковое стекло и снова заснула.

Отец улыбнулся отражению дочери в зеркале заднего вида: «Ну слушай».

– В сотне километров от дороги, по которой мы едем, находится место, которое в народе прозвали Долиной смерти. Дороги туда нет, это тайга. Туда можно добраться только пешком или по реке Виллой. – начал Эрган.

– А на машине туда можно доехать? – живо поинтересовалась Саяна.

– Нет, машина туда не проедет, и такая как наша тоже, только пешком, или на лодке, а затем пешком, – пояснил отец.

– Поняла, пап. Извини, что перебила, продолжай.

Эрган взглянул в зеркало заднего вида, увидел «живой» взгляд старшей, улыбнулся уголком рта и продолжил: «В 18 веке, охотники, которые охотились там, обнаружили странные предметы в этих лесах, напоминавшие перевернутые котлы, зарытые в землю под углом. Они торчали из земли, будто врезались в землю, прилетев с неба. Так как охотники для промысла уходили в лес надолго и далеко, то им приходилось искать, изобретать места для ночлега. Обычно это были кроны деревьев или навесы в корнях деревьев. В тех местах была отличная охота, правда непонятно почему. Найдя эти непонятные котлы, они посчитали, что судьба сама награждает их за хороший убой подарком, в виде такого убежища. Вскоре, после такой ночёвки, охотники начинали чувствовать недомогания, затем тяжело заболели и мучительно умирали. Так было несколько десятков раз. Людей тянуло за лёгкой добычей, вот они и охотились в тех местах. Но со временем, начали умирать и их родственники, порой даже и дети. Люди стали говорить, что охотники, возвращавшиеся из этой долины, приносили с собой смерть, поражая ей всех своих родных и близких, обрекая их на такой же мучительный конец. Женщины охотников запретили своим мужьям ходить на промысел в эту долину. Впоследствии это место назвали Долиной смерти.

Лишь только через 50 лет первая экспедиция отправилась в те места, чтобы изучить необъяснимое явление, что ввергает в страх население ближайших поселений.»

Отец сделал паузу, чтобы смочить горло. Обычно, когда долго говоришь, появляются два желания – покурить и немного попить. Со вторым желанием Эрган справился, а вот первое начало сверлить его изнутри.

– И что было дальше? – с дрожью в голосе спросила Саяна.

Вопрос дочери вырвал рассказчика из собственных мыслей. Он взглянул на дочь в зеркало, дежурная улыбка скользнула по его губам

– Дальше, в начале прошлого века, экспедиция очень долго искала эти полусферы, вросшие в землю, но так и не нашли. Лишь только спустя около 50 лет, кто-то натолкнулся на них случайно, изучая ту местность. Говорят, что через несколько лет этот человек умер от рака. Уже в нашем веке какой-то немец организовал экспедицию с целью опровергнуть миф о нали-

чии смертоносных котлов или доказать их существование. Она была неплохо оснащена. Воздушными шарами, которые изучали местность с воздуха, а затем по полученным фотографиям люди вели изыскания на земле.

– А почему немцы заинтересовались этим? – снова перебила дочь отца.

– Ну, возможно немцы любят исследовать что-то новое, возможно у них были деньги на это, а может потому, что немцы любят искать приключений на свою голову на нашей земле. Доподлинно неизвестно. Но, однако, говорят, что они нашли один из котлов. Даже зафиксировали координаты этого места, чтобы последующие искатели смогли его легко найти. Впрочем, это не помогло. Все кто отправлялся позже, на поиски, ничего не находили.

– Почему?

– Возможно кто-то, а именно наше правительство, извлекли их для изучения. Возможно, тамошняя земля просто поглотила их в свои недра.

– А такое возможно? – удивилась дочь

– Конечно. Земля – это живое существо, которое постоянно движется и меняется. Отсюда различные землетрясения, разломы, цунами. Проглотить какие-то непонятные котлы – для неё раз плюнуть. Вопрос времени.

– Пап, а этот немецкий учёный, он ещё жив?

– Неизвестно. Честно сказать, я даже не уверен, что это был немец. Возможно он был швейцарец, или голландец, или швед. – размышлял отец, попутно просчитывая, сколько им осталось до первой остановки.

– Всегда путала Швецию и Швейцарию. – недовольно пробурчала старшая дочь

– Это нормально. Мы же с тобой там не были, поэтому они для нас одинаковы.

Автомобиль мчал по заснеженной дороге. Небо было безоблачным, наполненное голубым цветом с желтоватыми вкраплениями. Ближе к горизонту оно приобретало белый оттенок, сливаясь с белым снежным покровом, согревающим землю. Землю, которая скрывала в себе котлы, несущие смерть, или наоборот, в определённый момент их извергнувшая, как чужеродное, как то, что несёт вред. Саяна смотрела на виды за окном, шурясь от яркого белого снега и бликов солнца, отражавшихся в миллиардах мелких хрусталиках замёрзшей воды. Именно за яркость и свет, она любила зиму. Летом ночью, не было так светло, как зимой, когда яркая луна, отражавшая солнечный свет, освещала всё вокруг, а многочисленные сугробы снега помогали ей в этом. Наблюдая скованные морозом белые застывшие поля, Саяна радовалась теплу салона автомобиля, тому, что она внутри, а не снаружи. Её фантазия быстро представила, как она стоит в одиночестве, посреди бескрайнего белого наста. Дрожь пробежала по её телу, и она поёжилась. «Ну уж нет, вам меня не взять» – подумала она.

За окном мелькали рекламные щиты, пытавшиеся что-то донести до их читателей. Вот промелькнул щит со счастливой семьёй: мама, папа, старшая дочь и маленький сын. Они улыбались. Создатели фото пытались показать счастливое семейство. Надпись гласила: «Дом, который они заслуживают. ЖК...», больше прочесть она не сумела. Недовольная гримаса исказила её лицо.

– Никогда не понимала я такой рекламы. Что она несёт, какой в ней смысл. Я вот, ничего привлекательного не увидела. – произнесла она в слух, – нелепость какая-то. Лучше бы написали, чем они лучше, ну и прочее.

Отец, который видел щит с рекламой, понял, в чём причина возмущения дочери.

– Это называется реклама настроения. Нас этому учили на занятиях по маркетингу и рекламе.

– Что значит «реклама настроения»? – всё также недовольно откликнулась Саяна

– Когда тебе создают фон, который ты потом ассоциируешь с этим объектом и тебе легче сделать выбор среди определённого множества.

– Не понимаю, – нотки недопонимания сквозили в голосе дочери.

– Вот смотри. Есть две социальных сети: ВКонтакте и Одноклассники.
– Одноклассники отстой. У них убогий интерфейс и там тусуются одни старички. – торжествующе оборвала она отца.
– Возможно. Но предположим, что ты этого не знаешь. Ты ещё не состоишь ни в одной из них.

И вот, за две недели до выбора, в различных местах, в газетах, журналах, интернете, на рекламных щитах, тебе попадаются две рекламы. Первая: Милый спящий котёнок, в различных позах, с девизом «У нас комфортно и уютно. У нас все свои. ВКонтакте.»

– Ну?

– Не нукай, я не договорил. Вторая: Мужчина, в хорошем, дорогом костюме, летит в бизнес-классе самолёта. Рядом с ним студент, в наушниках, в свободной одежде. Позади пожилая пара. Девиз гласит: «Первоклассники. Твоя социальная сеть». И ты видишь это часто. Что ты выберешь: первый класс самолёта или котика?

– Конечно, котика, спрашиваешь! – обрадовалась дочь.

– Вот именно, а если бы вместо котика был бы разъярённый волк с кровавым оскалом? Саяна задумалась. Такого поворота рекламы она не ожидала.

– Думаю, что ничего. Искала бы рекламу с котиком. – немного подумав решила старшая.

– Именно это и называется, создать благоприятное настроение, которое потом у тебя возникнет, только лишь при одном упоминании названия того, что рекламируют.

– Ну, возможно, но эта семья не провоцирует меня на покупку квартиры, ну, и не создаёт у меня хорошего настроения.

– Это нормально, – словно психолог, рассудил отец. – Просто, ты не их ключевой клиент. Я их ключевой клиент. – подвёл черту он.

– Понятно, – кивнула дочь и вернулась к созерцанию видов за окном.

Через километр машина притормозила и свернула вправо, на дорогу, ведущую на возвышенность, где вдалеке красовалась еловая чаща.

– Скоро привал, – радостно известил глава семейства и прибавил ходу. Двигатель взвыл, а колёса стали выбрасывать из-под себя брызги неповторимых ярких снежинок.

День первый.

Погода не позволяла разразиться снегопаду, лишь изредка давая волю чувствам, в виде больших хлопьев снега, медленно покрывавшими всё вокруг, от чего, дорожная техника в городе работала в половину мощности, поддерживая то, что было сделано ранее.

Автомобиль медленно вкатился на припорошенную снегом небольшую площадку, возле охотничьего домика. Эрган заглушил двигатель и, распахнув дверь, быстрым движением выпрыгнул наружу. Пушистый снег разлетелся в стороны и стал медленно оседать на его ботинках.

– Мы приехали, сони! – озорно обратился он к жене и младшей дочери. – Маленькая остановка, и дальше в путь.

Саяна вышла из машины и огляделась вокруг. Высокие сосны скрывали охотничий домик. Где-то, из глубины леса, слышался стук дятла.

– Эге-гей, – крикнул отец. Глаза его блестели от возбуждения.

– Вы посмотрите, какая тут красота, какой воздух, какое спокойствие, – восторгался он. – Тут ты ощущаешь единение с природой.

– Это тот самый домик, куда ты пропадаешь на неделю? – с иронией спросила Умсур. Она уже вышла из машины и озиралась вокруг.

- Да, это он, – не без гордости ответил муж.
- Что ж, мило. Подарок папе там? – она кивнула в сторону дома.
- Именно. Пойдём со мной. – он взял жену под руку и повёл в дом.

Она послушно пошла со своим мужчиной. На крыльце она обернулась к детям: «Девочки, не стойте на месте, поиграйте в снежки». Саяна только хмыкнула и достала телефон. Включив экран, она обнаружила, что связи тут нет.

Эрган отворил дверь и супруги зашли во внутрь. Миновав маленький тамбур, в котором лежала охапка дров, оба зашли в комнату. Помещение это служило и кухней, и спальней. По двум стенкам стояли кровати, обе были двухъярусными и были рассчитаны для приёма 4-х человек. Подле кроватей стоял стол, а рядом с ним располагалась железная печка, с ухидившей в потолок трубой. Посреди комнаты стояли правила, на которых была растянута шкура волка.

Умсуре посмотрела на мужа, который светился радостью.

– Это подарок отцу, – сказал он, кивнув в сторону растянутой шкуры волка. – в последнюю охоту я убил волка, и идея подарка пришла сама собой. Он был с маленькой стаей, которую мы подкараулили, но повезло только мне одному. Помню, он трусил рядом с волчицей, когда я его подстрелил. Трусливые хищники бросились в разные стороны, бросив умирать своего соплеменника.

Жена стояла в нерешительности. В ней боролась женщина, которой чужда жестокость, и жена мужчины, у которого охота в крови предков. Переборов женское начало, она, направляясь к выходу, бросила: «Давай собирай шкуру и поедем быстрее отсюда. Хочу скорее добраться до тепла и окунуться в новогоднее настроение».

Эрган остался в одиночестве, переполняемый чувствами, которые нахлынули на него вместе с воспоминаниями.

Мужчина снял шкуру с правил, положил на стол и начал медленно и аккуратно сворачивать её. Закончив, он убрал шкуру в заранее принесённую сумку. Перед тем, как покинуть домик, он убрал правила в тамбур, после чего вернулся в комнату, где обвёл взглядом её убранство, вспоминая события, что происходили здесь.

Мать с Аико на улице играли в снежки, старшая стояла в сторонке, периодически увораживаясь от «снарядов», прилетавших в её сторону, отвечая возмущением. Яркое, полуденное солнце, отражалось в белом снегу, слепя обитателей опушки.

Дверь дома распахнулась и Эрган вышел с добычей на воздух. Бросив сумку подле себя, он навесил амбарный замок на дверь и скомандовал: «Игры заканчиваем. Поехали. У нас ещё долгий путь». Уже заждавшиеся члены семьи отряхнулись и начали забираться в машину. Подарок отцу Эрган убрал в багажник и занял своё место за рулём. Убедившись, что все в машине и ничего не забыли, семья тронулась в дальнейший путь.

Отъехав от дома, примерно на 400 метров, приборная панель автомобиля погасла, а руль налился обратной тягой от колёс, давая понять, что электроусилитель теперь не работает. Железный конь продолжал ехать по инерции ещё 30 метров с горы, пока двигатель не остановил ход. Все электросистемы выключились. Хозяин выключил зажигание, потом снова включил и попытался завести автомобиль. Ничего. Вторая попытка, потом третья. Поворот ключа ничего не приносил, никакой реакции.

Жена с беспокойством посмотрела на мужа. Он боковым зрением почувствовал это и решил её успокоить: «Очевидно, умер генератор. Ничего страшного, сейчас вернёмся в охотничий домик, растопим его, а я найду место, где ловит телефон, чтобы вызвать помощь».

– Как скажешь. Полностью полагаюсь на тебя. – успокоившись доверилась ему Умсуре.

Он вышел из автомобиля, помог девочкам выйти наружу, достал сумку, и они все вместе медленно направились назад, к домику.

Примерно в 3 километрах от этого места, в снегу грелась стая волков. Внезапно, один из них встрепенулся и стряхнув снег с морды, встал на лапы. Его нос усиленно работал, втягивая воздух, улавливая запахи, доносившиеся до этих мест. Волк начал носиться среди себе подобных, лая и поднимая собратьев. Те нехотя, но поднимались. Ещё минут десять и все уже были на ногах и быстро мчались за возмутителем спокойствия.

Эрган шёл позади всех, как волчий вожак, наблюдая, чтобы со всеми было всё хорошо и все добрались до цели. В какой-то момент, шестое чувство заставило его обернуться. Через поле, отделившись от края леса, простиравшегося до дороги, быстро приближалась стая волков. Долю секунды он наблюдал за ними, а его воображение, а может острое зрение, показало ему ту ярость и ненависть, что была в глазах впереди бегущего волка, точнее сказать – волчицы.

– Девочки, нам нужно ускориться, быстро! – он повысил тон и прибавив шаг, руками начал всех подталкивать вперёд.

Саяна обернулась посмотреть.

– Папа, это что, волки?

– Да, быстрее, дочь. Бежим. – Он схватил её за руку и потащил вверх по дороге, в направлении их спасения.

Умсура схватила Аико на руки и побежала.

Волки поняли, что добыча может сейчас ускользнуть от них и прибавили хода. Жертв от преследователей отделяли какие-то 300 метров, которые стремительно сокращались, прибавляя шансы одних на хорошую охоту и уменьшая шансы других на выживание.

До домика оставалось ещё пятьдесят метров. Они подбежали к выходу на опушку, когда Эрган оглянувшись понял, что всем им не успеть. Остановившись на месте, он наблюдал, как семья становится ближе к спасению. Лишь убедившись, что они достаточно близки к убежищу, побежал вслед, ощущая спиной приближающуюся смерть.

В десяти метрах от дома Умсура повернулась удостовериться, что все добежали и замерла от ужаса. В тридцати метрах от них бежит муж, а позади него, «наступая ему на пятки», бежит разъярённая стая, извергая клубы ярости. Эрган увидел её взгляд. В кармане он открыл ключ зажигания и развернулся принять удар на себя. Его девочки в безопасности, должны скоро быть.

Перед прыжком, увидев, что человек не бежит, а стоит и смотрит в глаза смерти, волчица немного колебалась, но память взяла своё.

Эрган узнал этот взгляд, это была она, пара его жертвы, чья шкура осталась лежать в сумке на дороге. Ожидая прыжка, он вонзил ключ в правый бок бросившейся на него волчице, и повалился на землю вместе с ней, нанося быстрые и короткие удары по корпусу хищника. Стая бросилась помогать своей предводительнице. Истошный женский крик заставил хищников отвлечься от казни.

– Умсура!!! – заорал Эрган, пытаясь докричаться сквозь занавес волчьих тел, – Быстро в дом!!!

Жена с детьми бросилась к дому. Волки, увидев новую добычу бросились к ним, ослабив атаку на мужчину. Этим он и воспользовался. Отбросив от себя ослабшую волчицу, и отпугнув ещё троих, Эрган, вскочив на ноги, бросился к дому закричав: «Куда побежали, трусливые собаки?!»

Волки остановились и обернулись на крик. Этого вполне хватило, чтобы жена и дочери достигли цели. Девочки забежали в предбанник, а Умсура стояла на крыльце, держась за ручку двери, готовая в любой момент захлопнуть и смотрела на неравную схватку.

Она смотрела на мужа, запоминая каждое его движение, вспоминая мгновения их жизни, встречи, ссоры, расставания, любовь, рождение детей, всё то, что приходит в голову перед кон-

цом. На мгновение их взгляды встретились. Он посмотрел на неё так нежно, пожал плечами, будто извиняясь, что так всё получилось и одновременно говоря слова любви и благодарности. Его взгляд был таким же озорным, как и в тот день, когда они познакомились. Он выпрямился, гордо поднял голову и хотел что-то ей сказать напоследок, но раненный зверь снова повалил его в белый снег. Отвлёкшиеся звери вернули свои взоры к женщине на крыльце и бросились к ней. Подступившие слёзы заволокли глаза, боль и бессилие сковали её тело так, что она не могла пошевелиться. Ещё какие-то пять метров и хищники ворвутся в дом. Какая-то неведомая сила рванула назад, увлекая в предбанник, одновременно захлопывая дверь. Ещё миг и руки её приводили в движение засов, запирая дверь, отделявшую их от стаи оголодавших, разъярённых зверей.

Придя в себя, она опустилась на пол и начала истерично плакать. Подле неё крутилась Аико, словно волчок. Младшая дочь пыталась её успокоить, глядя по голове и умоляя не плакать. Но это не действовало. Перед ней всё ещё стоял её Эрган, окружённый волками с горящими глазами. Волками, которые отобрали у неё мужа, а у детей отца. И истерика охватывала её всё больше и больше, подавляя силу и разум. Постепенно до неё стал доноситься голос младшей дочери и осознание того, что старшую она не ощущает. Та сила, что закрыла дверь, вернулась к Умсуре, она села на пол предбанника и стала утирать слёзы. Собравшись с мыслями, она спросила дочь: «Где Саяна? Где она?»

– Мамочка, она в комнате, с ней всё хорошо. – всхлипывая пролепетала Аико.

Мать поднялась и быстро вошла в комнату. Старшая дочь молча стояла у окна и смотрела на улицу. По щекам её текли ручьями слёзы, её трясло от зрелища, открывавшегося за окном. Мать подлетела к ней и отвесила пощёчину. Не глядя на улицу, она зашторила окно и оттолкнула старшую дочь на кровать.

– Не смей туда смотреть!!! – громко и отчётливо, повышенным тоном, прочеканила мать. – Слышишь меня? Не смей!!!

Старшая уткнулась в покрывало кровати и заревела в голос. Мать хотела было повернуться к окну, но передумала и села рядом на кровать. К ним забралась всхлипывающая Аико. Умсуре обняла своих дочерей, и уткнувшись носом в чёрные, как смоль, волосы младшей, тихо заплакала от бессилия и будущей неизвестности.

– Мама, я хочу есть, – донеслось сквозь дрему. – Мама, я очень хочу есть.

Умсуре с трудом расщепила слипшиеся от высохших слез веки. Она смотрела в упор на младшую дочь и не понимала, что та от неё хочет. Очевидно, что сильное потрясение истощило её и организм сам по себе приказал отключиться, так как чётко вспомнить, как заснула, она не могла. Помнит, что все втроем лежали на кровати, её руки утопали в волосах дочерей, массируя им головы. Очевидно, что, пытаясь успокоить детей, она успокоила себя.

– Мама, я сильно хочу есть, – повторила, как мантру, младшая дочь.

Сознание наконец-то вернулось к матери и она, сев на кровати, прокрутила у себя в голове события сегодняшнего дня. Мысли были хаотичны. Сон уходил, уступая дорогу трезвой рассудительности. Теперь она была за старшую, теперь всё зависело от неё.

За окном свет уступал права тьме.

Быстрым движением она встала, собрала волосы в пучок, закрепив их резинкой, и начала обследовать кухонный шкаф, разошедшийся от перепадов температуры, сырости. Поиски принесли свои плоды, были найдены: перочинный ножик, с резной ручкой из кости; большой коробок спичек для камина; три кружки, три тарелки, три вилки и три ложки; две банки консервированной сладкой кукурузы; засохший кусок ржаного хлеба и банка тушёнки. Дальнейшие поиски не принесли ничего. Умсуре достала из нижнего отделения шкафа ковш и кастрюлю,

сковорода стояла на печке – «буржуйке». По-мужски, её не помыли, и на ней были видны остатки пищи, что готовили на ней в последний раз. Больше она ничего не нашла.

В предбаннике на полке стояла газовая плитка на две конфорки, шланг от которой уходил к большому красному баллону, с облупившейся краской и надписью «ПРОПАН». Рядом были навалены дрова, возле них лежал топор, покрытый ржавчиной, стопка пожелтевших газет и ведро, наполненное порубленными дровами. Взяв из него 5 штук, она вернулась в комнату и принялась за печку. Перочинным ножом она нарезала щепу и через 10 минут огонь разгорелся и тепло начало наполнять комнату. Темнота наполнила собой дворик перед домом. Лишь только белый снег, от которого в мелких кристаллах льда отражалось сияние месяца, разрывал эту черноту. Тени бегали по двору, на фоне кристаллов, завывая на лунный свет, оборачиваясь, устремляя цепкий взгляд на дом, где нашла убежище их будущая еда.

Притупившимся ножом, она вскрыла одну банку консервы с кукурузой и тушёнкой. Немного поджарила содержимое последней на сковороде и разложила скромные порции по тарелкам, приправив зёрнами кукурузы. В оставшемся растопленном жире, она замочила засохший хлеб.

– Мамочка, я хочу пить, – опустошив тарелку, сообщила Аико.

Умсуре словно ожидала этого. Встав из-за стола, она взяла кастрюлю, и вышла в предбанник, плотно закрыв за собой дверь. Девочки напрягли слух, было еле слышно, как их мать, что-то делает у входной двери. Саяна подошла к окну. На голубом снегу лежала разодранная куртка отца, подле неё стояли три волка, вынюхивая и облизываясь. Было видно, что они сыты, подтверждая это равнодушием к телу своей жертвы. Облизываясь они посматривали по сторонам.

Внезапно старшая услышала звук открывающейся двери. Волки встрепенулись, повернув головы к домику, устремив взгляды на вход. Ещё доля секунды и они сорвались с места, стремглав устремившись к дому. Ещё секунда и девочки услышали хлопок закрывшейся двери и лягз засова. Их стражи влетели на крыльцо, но было уже поздно, они опоздали. Они стали скрестись в дверь и жутко завывать. Дверь в комнату открылась и мать зашла с кастрюлей, наполненной до верха снегом, которую она поставила на плиту: «Сейчас растопим и будет вода».

День второй.

Ночью Умсуре пару раз вставала, чтобы подкинуть дров в печку, стараясь, чтобы столбик градусника, висящего на стене, не опускался ниже отметки в 10 градусов. Девочки помогли ей сдвинуть кровати, образовав две больших кровати, одна сверху, другая снизу. Укрывшись всеми одеялами и куртками, они не позволяли себе замёрзнуть. В последний раз она выглянула в окно. Медленно осматривая опушку, она увидела в деревьях парочку светящихся глаз. Её словно парализовало. Мурашки побежали по телу, оцепенение и ужас сковали её. Постепенно страх отступил, уступив место здравому рассудку. Чем больше она смотрела, тем больше в ней росла уверенность в себе. Мозг лихорадочно думал, рассматривая варианты, вспоминая всё, чему её учили в медицинском институте. Успокоившись, она вернулась к дочкам.

– Слушайте меня, теперь наш день будет строиться следующим образом. Мы будем есть и спать. Таким образом, мы будем максимально сохранять силы, дожидаясь спасения. Есть и спать. Мобильные тут не работают, поэтому, будем уповать только на то, что нас будут искать. – Умсуре замолчала и колким взглядом вцепилась в дочерей. – Если есть вопросы, говорите.

Саяна и Аико сидели на кровати. Старшая, что-то обдумывала про себя, младшая ёрзала на месте. После того, как мать закончила, она подняла руку вверх.

– Мама, я хочу писать, – не дожидаясь, пока её спросят, известила дочь.

По выражению лица женщины, было видно, что этот вариант она не предусмотрела. Минута размышлений, и она вывела Аико в предбанник. Там она взяла ведро, высыпала дрова на пол и поставила его у входной двери: «Вот, это будет наш туалет».

Вернувшись, они разогрели остатки вчерашнего ужина, запив водой, опустошив кастрюлю. Уложив девочек в кровать и укрыв их, мать вышла из комнаты. Определённое время девочки слышали какое шуршание, было слышно, что мама, что-то шепчет, словно разговаривая с кем-то, потом они различили всхлипывания, прекратившиеся разом. Ещё через минуту стали доноситься удары и звук раскальваемой древесины. Спустя время дверь распахнулась и Умсара, слегка вспотевшая, вошла с охапкой мелко нарубленных дров. Свалив их возле печки, она подкинула топлива, которое жадные языки пламени моментально поглотили.

– Мама, ложись скорее к нам. – Саяна откинула одеяло. – Не надо мокрой стоять, холодно.

Понимающе кивнув, женщина сняла свитер, повесила его на стул и пододвинула последний к печке.

Дочери легли возле матери, справа и слева, положив головы ей на грудь.

– Мама, спой нам колыбельную, которую ты мне пела в три года, – попросила старшая дочь. – Про мальчика, заблудившегося в Тайге и спасённого медведем.

– Конечно, – Умсара прижала к себе дочерей, поцеловала их в чёрные волосы и начала петь колыбельную.

Женщина проснулась от дурного сна. Она встрепенулась, открыла глаза и уставилась в потолок. Было уже темно. Нос был холодноватым. Звук из передней вывел её из состояния медленного пробуждения, она вскочила и осознала, что рядом нет старшей дочери.

– Саяна, – закричала она.

– Сейчас, – послышался голос дочери из предбанника, а затем журчание. – я заканчиваю.

Внезапно, сильный удар во входную дверь сотряс дом. Саяна вскрикнула и не закончив, подскочила устремляясь к двери в основное помещение. Мать распахнула дверь и подхватила падающую дочь со спущенными штанами. Ещё один удар сотряс дом. После, яростный рёв и быстрый скрежет когтей о дверь и половицы, снаружи. Хищник почувствовал запах и решил добраться до добычи.

Мать схватила быстро топор и закрыла вторую дверь, подперев её стулом. Оттесняя спиной дочь к кровати, женщина медленно отступала назад, где с испуганным видом сидела младшая. Все трое были охвачены страхом. Постепенно скобления прекратились и наступила тишина, которую прервали легкие шаги и скрип досок маленькой террасы. Около окна шаги прекратились. Все три пары глаз были прикованы к месту, откуда лился лунный свет. Внезапно его заслонила тень, то была та самая волчица. Поднявшись на задние лапы, она устремила свой взгляд в глубь помещения.словно охотник, наблюдающий за своей добычей в засаде, она стояла замерев, изучая черноту помещения. Аико завизжала от ужаса. Волчица вздрогнула и бросилась прочь, в сторону леса. Быстрым движением мать подскочила к окну и задёрнула занавеску.

Когда все успокоились, предательский звук в животе дал понять Умсаре, что желание поесть посетило не только её. Она посмотрела по сторонам, на окно, дверь, на потолок. В темноте она что-то заметила наверху.

– Аико, дай мне, пожалуйста, свой телефон, – не глядя на дочь, попросила мать.

– Зачем? – встревожилась младшая дочь

– У тебя там хороший фонарик, а он мне так сейчас необходим, – спокойно, не отрывая взгляд от потолка, сказала мама.

Немного порывшись в куртке, Аико протянула матери телефон. Умсара, разобравшись где нужная кнопка, включила фонарик и холодным светом посветила на потолок. Там, наверху, были видны щели, образовавшие вместе люк. В люке было продольное, короткое отверстие, напоминавшее замочную скважину. Женщина пододвинула стул, встала на него и ногтем начала ковыряться в отверстии. Изучив дырку, она спустилась вниз и принялась осматривать полки и скрытые места, словно что-то выискивая. Видимо, в какой-то момент поиски увенчались успехом, держа найденное в руках, она снова поднялась на стул и попыталась открыть люк в потолке. Попытка удалась и люк откинулся вниз.

– Ничего себе, – восхищённо прошептала Аико.

Мать заглянула в отверстие, повертелась на месте немного, после чего слезла со стула и взяв пустую кастрюлю вернулась к лазу.

– Мама, что там? – поинтересовалась Саяна.

– Тут чердак, ничего полезного нет, но есть окно, которое возможно нам пригодится. – ответила она, ставя наверх кастрюлю и телефон. – Я сейчас кое-что посмотрю и вернусь. Не бойтесь.

Приложив усилия, она залезла наверх и судя по звукам, направилась в сторону противоположной стенки, там, где на нижнем этаже был предбанник. Спустя минуту на чердаке воцарилась тишина, нарушали которую шорохи. В определённый момент девочки услышали звук открывающейся ставни и сверху повеяло холодом. Снаружи раздался протяжный вой.

– Саяна! – позвала мать.

– Да, мама.

– Заберись на стул, мне кое – что надо тебе дать! – отдала приказ Умсара.

Девочка, забралась на стул и заглянула наверх. Яркий свет фонарика ударил ей в глаза, ослепив её.

– Я ничего не вижу. – возмущённо, шёпотом пожаловалась дочь.

– Извини, – глава семьи убрала свет, направив его в сторону. Снаружи, сквозь открытое окно, доносились звуки завываний и мельтешения. Мать протянула кастрюлю, наполненную снегом с горкой дочери. – Отнеси вниз, вывали на сковородку и верни обратно.

Дочь исполнила всё, как и просили, после чего села на кровать к младшей и обняла её. Взгляды обеих были устремлены к потолку, к люку, из которого прорывался свет.

– Саяна, дочь, возьми ещё одну кастрюлю. – шёпотом сказала мать и просунула в лаз также наполненную с горкой кастрюлю снега.

Через полчаса, награв помещение и растопив снег в сковородке и кастрюле, женщина аккуратно разлила получившийся в сковородке бульон по чашкам. Закончив, она передала каждой по чашке.

– Согрейте руки, прежде чем пить. На сегодня еды больше не будет. Надо экономить, – медленно, с остановками уведомила мать. – После того, как поедите, ложимся спать, сил не так много.

Прошло ещё 15 минут, Умсара наполнила топку дровами и присоединилась к дочкам, под слоями тёплых вещей.

– Спи, моя радость, усни, – тихо запела она, сохраняя традиции в их невольном заточении, давая спокойствие и теплоту детям.

Потеряв счёт времени, они уснули.

День третий.

Нос Саяны был холодным, когда она открыла глаза. Минуты три она лежала без движений, привыкая к темноте, наполнявшей домик. Клубки замерзающего дыхания преломлялись в лунном свете. Дочь лежала и не понимала, что заставило её проснуться, голод или нужда? Ни первое, ни второе, скорее что-то другое. Когда глаза привыкли к темноте, она выскользнула из-под одеяла, и тут же ощутила холод, сковавший её. Стараясь никого не разбудить, она вышла в переднюю и собрав охапку: отметила, что дров становится очень мало, а чем топить потом, она не представляла себе. Подкинув пару дров, она проследила за тем, чтобы жадные языки спасительного пламени начали поедать холодную древесину. «Сейчас разгорится, и наполню полностью» – подумала она про себя. Немного размявшись и согревшись приседаниями, она подошла к окну.

На опушке, в свете луны виднелась куртка отца. Точнее, разум сам подсказывал, что это. Ни одного волка рядом не было. Саяна всматривалась в лохмотья, пытаясь увидеть то, чего она сама боялась увидеть. Словно капитан, вглядывающийся в подзорную трубу, она фокусировала зрение. Движимая желанием увидеть мелкие детали, она вплотную приблизилась к окну и сложив ладони полукругом, ограничив поле зрения, упёрлась в холодное стекло окна. А вдруг папа жив? Это надежда теплилась в ней глубоко внутри, хоть и было понятно, что выжить невозможно. Продолжая своё изучение, она не заметила, как на опушку вышел волк. Он повернул голову в сторону домика и наблюдал за происходящим в доме. Постояв немного, он двинулся в сторону Саяны.

Словно в перископ, Саяна смотрела на то место, где её отец встретил стаю, и не сразу заметила наблюдения снаружи. Лишь только, когда волк подошёл ближе, она наконец-то его увидела.

Величаво, он стоял и смотрел на неё, не отрывая взгляд. Это было ужасающе, с одной стороны, и восхитительно, с другой.

На короткий промежуток времени девочка осознала, что он смотрит на неё величественно, так как он хозяин, в данной ситуации. Именно он решает, умрёт она или останется жива, а вопрос первого исхода – это всего лишь вопрос времени.

Девочка медленно отступила от окна в глубь помещения. Волк смотрел не отрываясь, лишь спустя минуту, он опустил голову вниз, понюхал снег, облизнулся и затрусил в чащу леса, где его ждали соплеменники.

Оцепенев от осознания безвыходности ситуации и понимания, что они всего лишь жертвы, еда, которой нужно дойти до нужного состояния.

– Саяна, – девочка вздрогнула от неожиданности, услышав голос матери.

– Саяна, иди сюда, хватит там стоять, – и мать помахала ей ладонью, подзывая к себе.

Девочка подошла и села на кровать возле Умсары. Ком подкатил к горлу дочери, слёзы заполнили глаза, она начала вздрагивать, когда беззвучный крик отчаяния выходил из неё. Мать обняла её сзади и утянула на кровать.

– Успокойся дочка, всё будет хорошо, – Умсара убирала намокшие от слёз волосы с лица дочери. – Всё будет хорошо.

– Почему ты так считаешь? Ведь мы же всего лишь на всего еда для них, не более. Мы жертвы и спасения нет, нам не выбраться отсюда. Скоро мы замёрзнем тут, даже если не станем едой. – истерика начала находить выходы. – Мы обречены.

Мать обняла её и прижала к себе, крепко, к сердцу.

– Перестань. Мы обязательно спасёмся. Обязательно нас найдут. Ты же никогда не сдавалась, с чего вдруг ты сейчас опустила руки? Помнишь, как ты боролась за то, чтобы стать

чемпионом школы по прыжкам в длину? Помнишь, как тренировалась, как боролась, как преодолевала себя? Всё лишь для того, чтобы быть первой, лучшей. Как более взрослые девочки и длиннее, остались позади? Помнишь? Это всё потому, что ты сильная, что ты можешь бороться. – обнимая дочь, окунулась в воспоминания мать.

– Да, но сейчас другая ситуация. – всхлипывая возразила старшая.

– Нет, сейчас такая же ситуация. Ты решаешь, проиграла ты или нет. Только ты. Главное – это цель. – резюмировала мать. – Мне нужна твоя помощь, Саяна.

– Какая? – заинтересовавшись спросила дочь, утирая слёзы.

– Ты мне нужна, как помощник. Я одна всё сделать не смогу. Аико ещё совсем мала, чтобы всё понимать. Ты должна быть мне опорой, мы вместе обязаны обезопасить её...

– Обезопасить от чего? – недоумевающе спросила дочь.

– От всего, что вокруг. Должны вернуть её в нормальный мир. Ты моя поддержка и опора. Мне самой приходится плохо. Мы не должны отчаиваться, мы должны бороться.

Саяна смотрела на мать, постепенно осознавая, через что пришлось пройти этой женщине и какими усилиями воли ей получается сохранять спокойствие и баланс. Словно прочитав это в её глазах, Умсура, обняв её прошептала: «Каждый раз, когда я просыпаюсь и думаю обо всём, мне хочется выть. Выть, словно я сама волчица. Но я не могу, так как вы у меня есть, а я у вас. И мы семья, мы должны быть вместе. Должны быть опорой для друг друга.»

– Я поняла тебя, мамочка. – уже спокойно, произнесла старшая дочь. Она погладила мать по спине, потом приподнялась. – Я докину дров. Их совсем мало осталось. Думаю, что нам надо подумать о том, что мы можем сжечь из мебели.

Мать смотрела на дочь, восхищаясь и ужасаясь тому, как ситуация меняет людей. Она отвернулась к младшей, обняла её и позволила слезам найти выход.

Когда все проснулись, свет заливал комнату. Оказалось, что уже полдень. Саяна слезила на чердак и добыла снега, который после растопили и сделали из половины содержимого второй консервы кукурузы жидкий суп, который наполнил их теплом и позволил маленькой Аико не жаловаться на недостаток пищи. Мать и старшая дочь брали в основном бульон, в котором встречались редкие зёрна «царицы полей», в то время, как младшая получала своеобразную кашку из разварившихся жёлтых зёрен кукурузы. Она причмокивала, когда ела, а после ещё облизала тарелку, чем вызвала улыбки на лицах матери и сестры. Это здорово повеселило и её.

Отобедав, старшая дочь и мать приступили к разбору верха кроватей, разобрав днища и нарубив по размеру струганные доски, и после того, как дрова из передней закончились, в ход пошли их заготовки.

Пару раз мать обращала внимание, как поменялась старшая дочь, она будто повзрослела на несколько лет. Чёткие движения, ничего лишнего, трезвый, решительный взгляд.

На ночь глядя, они накормили Аико и напившись талого снега, легли спать. Каждая из дочерей прижалась к матери, как источнику тепла.

Доски горели в печке, периодически потрескивая, выделяя тепло, которое наполняло дом и вселяло уверенность в жителей в том, что всё закончится хорошо, что разобранных кроватей хватит ещё на пару дней.

Окутанные уверенностью и теплом, они заснули в обнимку, так, словно за окном не было стаи хищников, ожидавших скорейшего исхода и оголодавших на морозе.

День четвёртый.

– Видишь, вон там дорога домой, – сказал Эрган, указывая на проносящиеся огни вдалеке. – Тут совсем не далеко. Надо чуть-чуть проехать.

Она и муж стояли возле их машины, на дороге, ведущей от домика к трассе. Ровно там, где они её бросили.

– Надо чуть-чуть проехать. – повторил муж.

Глаза её наполнились любовью и счастьем. Её родной, близкий и любимый человек снова рядом с ней. Она может его обнять, прижаться к нему и снова стать беззащитной женщиной, возле своего сильного мужчины – добытчика. Мужчины, который может защитить её от всех неприятностей и способен разрешить все трудности.

Уткнувшись в его куртку, она не сразу слышит его повторяющиеся слова: «Надо чуть-чуть проехать».

Он отстраняет её от себя.

– Поехали. Там люди, они помогут. – говорит он ей, глядя прямо в глаза.

– Сейчас, сейчас, я только девочек возьму и, конечно, поедем. – соглашается Умсуре.

Она отходит от машины и идёт в направлении дома, счастливая и воодушевлённая. Выйдя на опушку, она замечает на крыльце волчицу, ту самую, что набросилась на её мужа первой. Жена оглядывается назад, чтобы убедиться, что муж там и он жив. Всё верно, Эрган стоит около автомобиля и улыбается ей. Она снова переводит взгляд на крыльцо, волчица медленно ступает вниз, не сводя глаз с Умсуры. Женщина разворачивается, чтобы позвать мужа на помощь, но ничего не происходит. Крик застревает внутри. Снова взгляд назад, её враг становится ближе. «Бежать!» – проскальзывает в голове, но ноги, налившиеся свинцом, её не слушаются. С трудом переставляя их, она идёт к машине, периодически оглядываясь в сторону опасности. Волчица снова играет с ней в игру, сохраняя расстояние между ними, мягко шагая по пушистому снегу, поднимая белоснежные хлопья вверх. Наконец, женщина разрывает невидимые оковы и бросается вперёд, к спасению. Подбежав к машине, она видит своего мужа за рулём, который сидит, не шелохнувшись, и смотрит строго вперёд. Она дёргает ручку двери, чтобы открыть, но безрезультатно.

– Эрган, открой дверь, – барабания по стеклу, наконец-то обретает возможность, кричит она. – Открой дверь. Помоги мне.

Но муж неподвижен, словно восковая кукла. Беглый взгляд в сторону дома, на дороге никого нет. Её преследовательница исчезла. Пытаясь найти своего охотника, Умсуре начинает озираться вокруг, но никого нигде нет. Застыв, она снова стучит по стеклу, с просьбами помочь ей и впустить. Но результат неизменен. Безысходность. Опять.

Внезапно, она слышит рычание, которое исходит из-за автомобиля. Рычание приближается. Через мгновение спереди машины вышла она – волчица. Мгновение и охотник настигает свою жертву, пасть хищника смыкается на правом бедре женщины. Резкая и невыносимая боль пронзает её насквозь. Она чувствует, как зубы проникают в её мышцы, разрывая волокна....

Умсуре проснулась от собственного крика. Старшая дочь толкала её, пытаясь разбудить.

– Мама, проснись. Скорее проснись – повторяла она, – успокойся, всё хорошо, это всего лишь сон.

Спустя пять минут, после того, как мать пришла в себя, дочь спросила: «Тебе снился папа?»

– Почему ты так решила? – машинально поинтересовалась мать.

– Ты называла его имя и просила помочь, а потом стала стонать и затем проснулась с криком. – пояснила Саяна.

– Да, приснился плохой сон. Не переживай, это всего лишь сон. – она свесила ноги с кровати и решила встать.

Опустив ноги на пол, она резко поднялась и с криком боли рухнула вниз. От шума проснулась младшая дочь. Резкая боль, словно проникшая из сна, прострелила в правой ноге. Мать взвыла от боли, не понимая, что с ней происходит.

Младшая протёрла глаза и свесившись с кровати, смотрела на лежащую на полу мать и на сестру, которая сновала рядом и помогала матери подняться на ноги.

– Придвинь стул, я попытаюсь сесть, – скомандовала мать.

Старшая быстро принесла стул и поставила рядом, после чего помогла матери сесть на стул.

– Мама, что случилось? – не понимая причину произошедшего с матерью, спросила Саяна.

– Сон, – кряхтя, начала пояснять мать, – там, во сне, меня укусил волк в ногу. Точнее волчица. Видимо, это типа фантомной боли. Уверена, что это пройдёт.

– Мама, давай ложись, должно пройти. Это будет лучше, нежели ты будешь сидеть. А я пока приготовлю поесть, – старшая дочь была решительна в своих словах и возражения не допускались.

После того, как она помогла матери лечь на кровать и ввела в курс событий сестру, она принялась за готовку еды.

Готовка, это было громко сказано. Накидав досок в печку, она растопила снег в кружках, который до этого принесла сверху, немного подразнив волков снизу, которые пытались достать до неё, выпрыгивая вверх. Кроме снега, она подогрела остатки супа для младшей.

Боль в ноге проходила, но очень медленно, в связи с чем, весь день Умсуре провела в кровати, не сомкнув глаз, словно боясь, что ужасный сон продолжится.

Дочки спали рядом, охраняемые вниманием матери, периодически просыпаясь, чтобы попить воды.

К вечеру, Аико застонала, что она хочет очень сильно есть, а её животик говорит, что он хочет кушать. Талая вода не спасла ситуацию. Ситуацию решило время, с наступлением ночи, Аико перестала ныть и уснула. Мать и старшая дочь сидели в нерешительности, думая, что же делать завтра, послезавтра и после-послезавтра, как спасти ситуацию.

– Ладно, – сказала мать, – давай ложиться спать, утром, когда рассветёт, что-нибудь придумаем. Возможно наверху, что-то есть, может мужчины что-то нам оставили. Снег, таявший в кастрюле и кружках явно не могли полностью спасти ситуацию.

– Нет там ничего, мама, я несколько раз лазила и ничего не видела. – решительно возразила дочь.

– Завтра при свете дня посмотрим, не торопись, Саяна, – резко, с долей раздражения, отрезала мать. – А сейчас давай спать. Завтра придётся рубить кровать, а для этого нужны силы.

Дочь ложится посередине, обнимая младшую сестру. Умсуре ложится на краю, помогая себе закинуть ногу на кровать. Проверив, что дочери все укрыты, она кладёт руку на старшую и уставившись в потолок обдумывает завтрашние действия, завтрашнее выживание.

День пятый. Ночь.

Открыв глаза, Умсуре попыталась пошевелить больной ногой. Боль ещё сидела внутри, но уже не так сильно, как ранее. Проверив, что девочки спят, она медленно поднялась с кровати и преодолевая боль, направилась к двери в переднюю. По пути, она взяла со стола пустую

кружку, предварительно перелив содержимое в другую, прихватила ложку, нож и волоча ногу добралась до передней, где оставила весь инвентарь, и вернулась в комнату за табуреткой. Используя как опору, женщина вытащила её из комнаты и поставила возле газовой плиты. Тяжело опустившись, она позволила себе передохнуть. Пот лил с неё градом, выдавая её усилия и её возбуждённость тем, что предстояло сделать.

Отдышавшись, Умсуре открыла вентиль на баллоне, достала спички из кармана брюк и зажгла огонь на одной из конфорок, осветив помещение синим светом маленьких язычков пламени.

Женщина застыла, собираясь с мыслями и планируя, что и в какой последовательности надо делать дальше. После того, как пот перестал литься ручьями, она раскрыла перочинный ножик и лезвием положила его на огонь. Ещё немного передохнув, дождавшись, когда кончик лезвия станет красным, она сняла его и положила на кружку, оставив остывать. Затем, она стянула штанину и термобельё с больной ноги.

Собравшись духом, дождавшись, когда нож поостынет, она отрезала штанину термобелья и отрезком обвязала ногу выше бедра, сильно перетянув её. Мысли, сомнения и разнообразие различных выходов из сложившейся ситуации обуревали её. Но решение уже было принято, и отступать назад было некуда. Зубами она сжала штанину брюк, взяла нож в руку, помедлив собралась с духом и размахнувшись вонзила сверху вниз, в край бедра больной ноги, 85мм остывающего металла. Взвыв от боли, которая её напомнила ту, что она испытала во сне, она зубами сжала синтетическую материю зимних брюк. Слезы боли выступили на глазах. Лезвие прошло насквозь. Отойдя от шока, она немного пошевелила лезвием. Моментально жуткая боль отозвалась в ноге, пронзив всё тело. Тонкая струйка крови стекала с кончика ножа.

Умсуре прекрасно помнила, что недавно врачи поставили ей Тромбоцитопению, а значит надо было заканчивать как можно скорее. Она снова вспомнила жалобы Аико, зажмурился глаза, через слёзы и боль, женщина увеличивала разрез. Скоро под ней образовалась лужица крови, время неумолимо бежало вперёд. Продолжая своё дело, она увеличила разрез и вскоре, одна часть отсекаемой плоти обнажила кровавое мясо, повиснув, словно шарф, перекинутый через плечо.

Оставался последний шаг. Оставив окровавленный нож на столе, женщина нашла ложку и поместила черпало на огонь.

Кровь находила выход в освободившейся ране. Её малое количество на полу было обусловлено только хорошим жгутом, расположенным выше. Снова овладев ножом, Умсуре продолжила резать себя. Чтобы победить боль, она кричала, заглушая себя синтетическим кляпом, не позволяя себе останавливаться, стремясь как можно быстрее довести начатое до конца. Свободной рукой она держала ошмёток мяса, свисавший с бедра. Несколько движений вверх-вниз, и он остался в её руке. Нож с мягким стуком упал в застывающую лужу крови. Опершись на здоровую ногу, она привстала, чтобы положить кусок плоти в пустую кружку. Нависнув над столом, она затуманенным взглядом посмотрела на покрасневшую ложку. Стянув зубами рукав свитера, закрыв руку, она взяла с плиты горячую ложку. Даже через ткань свитера жар проникал внутрь. Женщина села на табурет, привалившись к стенке, и вдавила раскрасневшийся металл ложки в сочащуюся плоть. Шипение прижигаемого мяса и невообразимая боль. Пока ложка не остыла, она повторила это действие ещё два раза, после чего снова голубое пламя охватило металл, обжигая и испаряя алые капли крови.

После третьего раза процесс был завершён. Вся покрытая насквозь потом, Умсуре ослабила жгут и стала наблюдать, как кровь наполняет ногу, вымещая бледный цвет. Капельки крови стали появляться на свежей ране. Последний раз нагрев металлическое орудие, она обработала места кровоподтёков. Повязав бывший жгут поверх раны, она надела штанину и поднявшись, ковыляя, вернулась в комнату.

Зайдя во внутрь, она остановилась, облокотившись на шкаф, перенеся весь вес на здоровую ногу, больную согнув под себя. Холодным, отрешённым взглядом она посмотрела на кровать, где спали девочки. Пройдя вперёд, она взяла кастрюлю с водой и вернулась в переднюю.

Посидев ещё немного, она собралась с силами, и лежавшими тут газетами покрыла кровяной пол. К утру мороз прихватит бумагу к полу и скроет события этой ночи. Подняв нож, женщина обтёрла его газетой из числа оставшихся, после чего положила кусок мяса в кастрюлю, оглядевшись вокруг перекрыла газ, и покинула переднюю. В комнате она выпила всю воду из оставшихся кружек, села на стол и достав нож, приступила к разделке.

В определённый момент Саяна проснулась, услышав мычание из передней. Решив, что мать отлучилась по нужде, она снова уткнулась в подушку. Краем уха, она слышала, как мама ходила туда-сюда, периодически постанывая. Себе она объясняла, что у мамы болит нога, и она, чтобы не разбудить их, выходит в предбанник.

День пятый.

Утром девочки проснулись от приятного запаха, наполнявшего комнату. Мать сидела около печки и помешивала что-то в кастрюле.

– Мама, что там ты готовишь? – не веря своим глазам спросила старшая дочь.

– Сама не могу поверить, вчера ночью нашла ещё одну банку тушёнки, – она кивнула на открытую банку, стоявшую на столешнице шкафа. – но надо ещё подождать, мясо ещё не достаточно сварилось. Лучше принеси ещё снега для питьевой воды.

Через двадцать минут девочки сидели за столом, поедая блюдо, приготовленное мамой. Сам повар, сославшись на усталость, ковляя добралась до кровати и легла отдохнуть.

– Мама, как твоя ножка? – уплетая суп, поинтересовалась Аико.

– Всё хорошо, солнышко, немного только болит. Сейчас отдохну чуть-чуть и она пройдёт. – успокаивающе ответила мать. – Когда поедите, ложитесь ко мне спать. Нам нужно экономить силы.

– Нам и еду надо экономить. Так что, Аико, оставь на вечер, – на правах старшей сестры, дала указание Саяна.

– А ты тут не командуй, – огрызнулась мелкая.

– Аико, – протянула женщина, – слушай старшую сестру. Пока я сплю, она за главную.

Саяна показала взглядом, что превосходство на её стороне. В ответ, получила гримасу сестры с высунутым языком.

– Странный вкус у этой тушёнки, первая была вкуснее. – посетовала младшая.

– Возможно, это разные производители. – размышляла старшая.

– В любом случае, было вкусно. Теперь можно и поспать, – Аико погладила живот.

Временная глава закрыла кастрюлю крышкой и вместе с сестрой отправилась спать.

Саяна проснулась от наступившего холода, проникавшего снаружи влажного тепла изнутри. Откинув одеяло, она посмотрела, что так грело её. Проведя рукой по матрасу, она нащупала что-то влажное и липкое. Пытаясь найти источник, она проводила руками по кровати, пока натолкнулась на ногу матери, которая была пропитана некой субстанцией.

Найдя телефон младшей сестры, девочка включила фонарик, осветив то место, где она лежала. Увиденное, повергло её в страх и недопонимание. Возле ноги матери растекалось море крови, пропитавшее одеяла, простыни и матрас. Весь верх штанов матери был пропитан кровью.

Метнувшийся луч фонарика выхватил бледные губы матери, слегка приоткрытые глаза и бледное лицо. От ужаса увиденного, девочка завизжала. За окном завывали волки. Она продолжала кричать, даже когда проснулась младшая сестра, которая в свою очередь стала просить маму, чтобы та успокоила старшую сестру. В ответ на её просьбы, мать шевельнулась и что-то произнесла нечленоразборчивое. Саяна бросилась к матери.

– Мама, мама, у тебя кровь. Мама, у тебя кровь. Что мне надо делать? – взяв мать за руку, пыталась добиться ответа она. – Мама, проснись. Тебе нужно помочь.

Мать раскрыла глаза. Расщемив засохшие губы, она попросила воды.

Волчий вой усиливался, нарастая с каждой минутой. Дочь принесла чашку и дрожащими руками дала матери. Саяна нервничала, предполагая самое страшное, что может произойти, её трясло, её полностью охватила истерика.

Неожиданно послышались глухие удары в дверь. Волки, почуяв страх и кровь, пытались проникнуть внутрь. В определённый момент им показалось, что кто-то бежит по крыше. Повернувшись к окну, Саяна увидела волка, которого она видела ранее, на опушке, он стоял на задних лапах, заглядывая в помещение, приковав свой взгляд к ней, в котором ясно читалось будущее.

Удары извне нарастали. Чувствовалось, что рано или поздно, дверь не выдержит натиска и впустит разъярённых волков внутрь.

Девочка собралась с силами, стащила мать на пол и начала двигать кровати, выстраивая баррикады из шкафа, кровати и табуретов. Всего, что попадалось на глаза. И её уже не страшил холодный взгляд за окном. Она должна была спасти свою сестру и мать. Пусть даже ненадолго, но надо бороться. Волки носились вокруг, скуля, лая и воя, чувствуя, что скоро их долгое ожидание будет вознаграждено.

Водрузив последнее на баррикаду, дочь села возле матери, и вместе с младшей обняла её. Сквозь вой снаружи, еле слышен был шёпот Аико: «Мамочка, пожалуйста, не умирай, я буду делать, всё что ты захочешь, только не умирай, пожалуйста, мамочка.»

Внезапно, тень волка исчезла, и в окно забил лунный свет. Снаружи усилился вой, гавканье и рычание. Через мгновение послышался выстрел, за ним другой. Дикий скулёж донёсся до их ушей, а потом знакомый голос, который кричал: «Сейчас я вам покажу, твари».

Эпилог.

Умсуре сидела в машине тестя, облокотившись на дверь. Её обнимала старшая дочь, которая не переставая плакала. Сквозь затуманенный разум и слипающиеся глаза, она наблюдала, как быстро отъезжают они от злосчастного дома, как покидают опушку, как мчатся по дороге, притормаживая лишь около брошенной машины, подле которой лежала сумка со шкурой убитого волка и обернувшаяся вокруг неё, окоченевшая волчица.

Аллилуйя!

(победитель конкурса Дуэли,
Литературного клуба Бумажный Слон.

Посвящается Леопарду Коэну)

2016 год

«Нана-на-на –на, лайф из лайф, нана-на-на-на» – звонок телефона постепенно выводил меня из состояния пьяного сна. Что там мне снилось? А, точно, белки, парк, орехи, женщины. Красивые женщины. Я сфокусировал взгляд. Осмотрелся вокруг. Рядом не души.

Телефон был найден в кресле. Это был мой редактор – Михаил – добрейшей души человек.

– Надеюсь, что я разбудил тебя и не дал досмотреть сон, – опередил меня Михаил, – но больше всего я надеюсь, что ты хоть что-то написал. Ты срываешь сроки, руководство косо смотрит на тебя. Понятно, что ты золотой сокол, но и тебя пустят в расход, когда появятся лучше. Ты меня слушаешь?

– Да, да, я ещё тут, – выявил заинтересованность я. Было понятно, куда ведёт Михаил.

– Сколько ты написал? – не унимался Михаил.

– Примерно 70 страниц, вроде так, – запинаясь, ответил я.

– Отлично, пришли мне, я прочитаю и напишу тебе своё мнение, – автоматически продолжал Михаил.

Я взял паузу.

– Ничего пока нет.. – выдохнул я, – Я пуст, пока.

Настала очередь его театральной паузы, и он победил.

– ТЫ хоть понимаешь, что если у тебя ничего не выйдет, они избавятся от тебя. Ты превратишься в ноль, с бесконечностью таланта. Тебе нужно принимать решение и идти вперёд. Надеюсь, ты понимаешь, что я тебе желаю только добра.

Он положил трубку, не дождавшись моего ответа. Было ясно, что я на грани, дальше пустота.

Нужно принять душ. Михаил прав, алкоголь затянул меня, дав мне просторы мышления и активности и отняв усердие. Необходимо, что-то выдавить из себя, необязательно шедевр, можно и схалтурить.

Капли холодной тонизирующей воды постепенно воскрешали меня. Ясность разума возвращалась, и я очень надеялся, что найду зацепку для книги.

Накинув полотенце на бёдра, и придав своему внешнему виду красоту, я направился прочь из наполненного влагой помещения. Открыв дверь, столкнулся с двумя здоровяками в балаклавах. Шагнув назад, я захлопнул дверь, прижавшись к ней, попытался воспрепятствовать проникновению. Мощный удар заставил меня эпично отлететь вглубь ванной комнаты. Это было красиво. Доля секунды и сознание ко мне вернулось, сквозь туман я различил силуэты «гостей». Мужчины ничего не сказали, лишь поднесли ватку с ароматом эфира. Я потерял сознание.

Голова кружилась, подташнивало, вспоминались ощущения после операции по удалению аппендицита. Яркий свет бил сверху. Придя в себя и оглядевшись, обнаружил, что я нахожусь в комнате, напоминавшей мне тюремную камеру: койка, стол со стулом, громкоговоритель в правом верхнем углу от двери и толчок. Беспокойство и непонимание происходящего овладело мной. Я стал звать на помощь, колотить в дверь и требовать разъяснений.

Резкий свист и звук клокотания заставил меня зажать уши. Свист перешёл в стучание по микрофону.

– Я прошу Вас успокоиться, – металлический голос прогремел сверху, – Вас похитили.

– То есть как? Зачем? – немного опешив, отступил от двери я.

– Вы известная личность, золотая жила для издательства, уверен, что они дадут за Вас хороший выкуп. Выдвинуты требования. Ждём, это мы умеем.

– То есть «умеем»? – не понимал я.

– Хотим, чтобы они переживали за свои финансы, в вашем лице. Дали им срок. Если они не выполнят наши условия, то больше никогда не увидят Вас. Для справки: вы содержитесь в подвале дома, который находится вдали от цивилизации. Вы можете звать на помощь, разбить кулаки о дверь, но всё будет тщетно, никто не услышит. Примите мир таким, какой он есть. –

Щелчок закончил трансляцию.

Это было начало.

В первую неделю мои похитители раз в день выходили на связь, сообщая, что нет никаких новостей. Каждый день, вместе с ужином, они приносили мне газету нашего города. Новостей, что меня ищут или хотя бы похитили – не было. Так продолжалось три дня, на четвёртый, в свежем номере сообщалось, что после множества попыток связаться со мной, мой редактор обратился в полицию. Вскрыв пустую квартиру, меня объявили в розыск. Получается, что кроме Михаила я никому не нужен, как так получилось? Когда есть алкоголь – есть друзья, когда его нет, остаётся только редактор, жаждущий новый материал?

К слову об алкоголе, мне его сильно не хватает. Не хватает ощущения расслабленности, лёгкости происходящего и гениальных идей в голове. Сколько раз я начинал писать материал после одной-двух бутылок вина. Правда, многие на трезвую голову не особенно тянут. Алкоголь – это моё топливо, мой драйв. Пытаясь изжить мысли о нём, я делил день на отрезки, которые были разделены приёмом пищи. Всё эти салаты из свеклы, брокколи, капусты, лука, рыба на горячее и яблоки на десерт, стали основным стимулом просыпаться, даже не смотря на её повторение изо дня в день. Алкоголь перестал быть удовольствием, им стала еда.

На второй неделе, в газете появилась информация, что в издательство поступила записка с требованием выкупа за меня, подробности не описывались. Я явно не особо интересовал общественность.

Думы об алкоголе постепенно отошли на второй, а скорее даже третий план. Я больше думал о том, как сбежать. Стал осматривать каждый уголок, пытаться найти зацепку для составления плана побега. Видимо меня просчитали, и в очередной связи с миром по ту сторону камеры, мне довольно подробно объяснили, что пытаться бежать нет смысла, так как это утопично и невозможно. Но я терял надежду. Вспоминая кино, я попытался разыграть приступ удушья. После полуминуты спектакля, в камеру влетели двое, прижали меня к земле, нацепили наручники за спиной и изобличили меня. Более я не пытался тягаться с Александром Абдуловым из фильма «Десять Негритят». Я начал искать плюсы в моём текущем состоянии.

На третьей неделе мне сообщили, что издательство готовит выкуп, который они оговаривали. Возможно, скоро я стану свободным.

Рацион питания разнообразился, к горячему добавилась куриная грудка, а на десерт стали давать ещё и шоколад. Воспользовавшись свободным временем, я стал делать зарядку, приводя свои мышцы в тонус. Пьяное время заставило меня забыть о спорте.

Кроме всего прочего, на меня навалился голод, основой которого были впечатления. Их я стал получать из книг. Выполнив мои требования, похитители принесли мне произведения Фицджеральда, Хемингуэя, Поланика, Толстого, Уайльда, Достоевского и Верна. Книги заполнили пол моей камеры и полки в библиотеке сознания. Теперь еда стала разлучницей, всякий раз отрывая меня от чтения, выдёргивая меня из мира впечатлений. Поглощение еды происхо-

дило так быстро, что в очередной раз я подавился, но к счастью не доставил удовольствия моим похитителям, избежав наручников и справившись самостоятельно.

В конце третьей недели пришла плохая новость – переговоры относительно выкупа зашли в тупик, издательство торговалось, срок моего заключения увеличивался. Меня посетил страх, что если они в определённый момент сочтут затею безуспешной, то могут просто бросить меня тут, в результате чего я умру наедине с книгами, но уже от пищевого голода. Это было неприятное осознание неминуемого конца. Мозг принял единственное правильное решение в текущей ситуации – нельзя было терять ни минуты.

Я потребовал предоставить мне ноутбук для работы над новым произведением. Люди за стенкой решили по другому, в прорезь они бросили стопку бумаги и шариковую ручку. Но и этому я был раз несказанно, мои соседи по камере, мои наполнители писали также, только вместо ручки у них было перо.

Словно оголодавший зверь, я накинулся на подарки.

Всю четвёртую неделю я писал, как сумасшедший, теперь еда не разлучала меня с бумагой, я делал всё одновременно. Прикусывал горький шоколад и запивал зелёным чаем. Мысли на 100% были только о романе, выходящем из-под моего пера.

Когда я закончил своё детище, оглядев стол, на котором высилась стопка исписанной бумаги, я почувствовал, как тяжесть опускает мои веки. Я очистился и теперь могу отдохнуть. Не имея сил дойти до койки, опустив голову на сложенные на столе руки, я уснул.

Проснувшись от весёлой мелодии, лившейся из динамика, осмотревшись по сторонам, я не нашёл моей рукописи. Они украли не только меня, но и моё детище. Ярость заменила литературу. В бешенстве я подлетел к двери и стал тарабанить по ней, с требованиями вернуть МОЁ. Реакции не последовало.

На следующий день мне объявили, что выкуп получен, и сегодня я вернусь домой. Обворованный я вернусь в дом полный одиночества.

Спустя длительный промежуток времени громкоговоритель потребовал встать лицом к противоположной от двери стене, закрыть глаза и, опустив голову, поставить руки перед собой. Я покорно повиновался.

Лязг замков, скрип петель, звук входящих шагов.

– Здоровая пищевая диета, классическая литературная диета, с примесью современности, и одиночество, как диета общения. Вот те три кита, на которых покоится твоё лучшее произведение, – голос моего редактора Михаила заставил меня застыть. В глазах помутнело, в горле пересохло, я начал терять сознание. Он взял паузу, буравя меня взглядом, – Несказанно рад, что ты снова с нами.

Он шагнул навстречу и обняв, не позволил мне осесть на пол.

Откровения

2017

Пролог

- Садитесь, где Вам будет комфортнее.
- Выбор у Вас не велик: либо диван, либо кресло.
- Выбор за Вами.
- Пожалуй, я остановлюсь на кресле, диван на меня действует усыпляюще.

Кабинет доктора Вернского был оформлен в тёплых тонах: стены покрыты обоями кремового цвета, пол был устлан светлым ковром длинного ворса. Мебель, которая была тут представлена в минимуме, сделана из красного дерева, обрамлённая кожей. Всё действовало успокаивающе, подводя тебя к тому, зачем ты пришёл в кабинет психотерапевта. Даже хрустящий звук натягиваемой кожи кресла, когда я погрузился в него, умиротворял, раскрывал тебя.

Это был мой первый визит к мозгоправу, раньше они для меня были шарлатанами. Хотя кого я обманываю, я и сейчас их таковыми считаю, просто это последняя надежда. Надежда на то, чтобы вернуть прежнюю жизнь, состояние, понимание.

– Давайте начнём с того, что Вы скажете мне, что Вас беспокоит и чего вы стремитесь достичь нашими сеансами, – мягким голосом, слегка выделяя «Ш» и «Ж», начал доктор.

– Что меня волнует? Да много чего меня волнует.

– Но наверняка есть ряд вещей, которые стоят особняками в вашей жизни, которые её определяют. Говоря о них, мы сможем дойти до того, что может являться причиной того состояния, в котором вы сейчас пребываете. – подводил меня доктор, к двери с табличкой «Откровения».

Я задумался, что для меня главное в этой жизни, за что держусь. Перебрав всё в уме, я подвёл промежуточный итог: «Друзья. Работа. Семья. Любовь»

– Прекрасно. Давайте начнём с первого: Друзья. Расскажите мне, что для Вас означает это понятие, с кем оно связано, с какими событиями?

Я помедлил. Колебался стоя перед дверью, взвешивал все «за» и «против», отгонял страх и недоверие. Это был последний шанс вернуться. И я открыл эту дверь.

– Хорошо, сейчас всё Вам расскажу.

Сеанс 1. Друзья.

– Безусловно глупо говорить, что у меня много друзей, и их количество отражает счётчик в социальной сети, и утверждать, что каждый придёт на помощь, тоже безрассудно. В жизни их бывает немного: кто-то появляется на время, кто-то на жизнь, кто-то уходит сам, кого-то оставляешь ты, а кого-то у тебя отнимает смерть. К счастью, последнего у меня не случилось, а вот предательства имели место быть.

– Расскажите о тех, что оставили отпечаток в памяти, в жизни, – направил меня доктор.

– У меня был друг. Очень хороший друг. Вместе мы начали общий бизнес, наш первый бизнес. Я никогда в нём не сомневался и всегда старался быть на его стороне. Вообще, моё кредо – это быть с друзьями в горе и в радости. Именно в Горе, на первом месте. Скажем так, я вообще считаю, что друзья нужны чтобы помогать друг другу. Радоваться ты можешь с любым человеком, так как она может носить характер случайный, сиюминутный, когда рядом нет друга. Ты же не можешь взять радость и законсервировать её до встречи с другом. Ты можешь поделиться остаточной радостью, показать хвост кометы. Сам же пик не надо держать в себе, надо им делиться, словно вирусом заражая окружающих. Пусть они будут реальные или виртуальные.

Но мы говорим о предательстве. Так вот, нашим бизнесом было креативное агентство. Мы были неизвестны, приходилось отвоёвывать себе нишу. Однажды, нам улыбнулась удача, наше предложение заинтересовало очень крупного клиента. Он планировал большие вложения в продвижение своей продукции на рынке. Ему нравился наш подход к этому процессу, ему нравились наши цены. Мой партнёр плотно занимался им, но однажды он пришёл и сказал, что нас обошла другая малоизвестная фирма и что это уже не обсуждается. Позже я узнал, что эта фирма принадлежит моему партнёру. Он решил сорвать банк единолично. Нашему общему бизнесу пришёл конец. Больше мы уже не встречались в непринуждённой атмосфере.

– Вы долго переживали эту ситуацию?

– Нет.

– А вы подсознательно ожидали что-то подобного?

– Скорее всего да. В бизнесе всегда надо просчитывать всё наперёд.

Я сделал паузу, думая, какой историей продолжить. Каждая по-своему интересна и поучительна.

– Но большие потери происходят из-за женщин. Был ещё один друг, самый главный друг. Он был ближе, чем родственник. Он был тем, кто никогда не бросит меня. Наша дружба измерялась десятилетиями. Дружеская любовь, я так это называю.

– Хотите сказать, что если бы он был женщиной, то это могло перерасти в настоящую любовь? – нанёс удар по моей гетеросексуальности доктор.

Я медлил с ответом. Он реально залез мне в голову и сейчас начинает ковыряться там, ножом для колки льда.

– Пока я закрыт для таких ответов. – выдавил из себя я.

– Хорошо, продолжим.

– Так вот. Он женился. Я знал его супругу ранее, но после свадьбы стал замечать изъяны в ней. Постепенно меня стали раздражать они вместе, именно вместе. Плюс ко всему, она стала им руководить, и вот это меня уже стало дико раздражать. Я бы сказал бесить. И однажды, когда я был подшофе, а его благоверная решила меня упрекнуть в моём состоянии, высказал ей свой взгляд о её недостатках. Точнее разложил по полочкам.

– И что она?

– Они ушли. Долгие обиды, попытки заставить меня извиниться, но я не отрекаюсь от своих слов. Ты либо молчишь, либо отвечаешь за сказанное. Иначе легко можно прослыть треплом.

– Чем всё завершилось?

– Завершилось? – я помедлил, – Скорее продолжается. Она запретила ему общаться со мной. Поставила перед выбором. Он выбрал её. Скорее нет – выбрал не общаться со мной. Никак не изменил условия. Что говорить – херовый дипломат.

– Вы анализировали это сами? – выявил неподдельную заинтересованность Вернский, – Своё поведение?

– Я не хотел. Это неприятно. А вы что думаете?

– Я думаю это чувство собственности. Вы не смогли смириться с тем, что она украла у Вас его: его время, его внимание, которое принадлежало Вам. Вы не хотели быть №2 в его жизни. Жить в эпизодах не ваше, поэтому вы нашли рациональную причину всё это прекратить, но не быть особо виноватым. Простая ревность. Не имея возможность убить его, вы убили Вашу дружбу.

– Я с этим не согласен, я не такой. – упорно возражал я.

– Вот видите, вы отрицаете это не подумав. Сама мысль Вас пугает, что РЕВНОСТЬ причина этого конфликта.

– Но и она причина. Она своим поведением, просто «выбешивает» меня. – начинал заводиться я

– Вот видите, – и он указал пальцем в мою сторону, – она вас бесит по ряду причин, основой которых время и внимание, которые она украла. А ведь, если капнуть глубже, то мы увидим, что те качества, которые «выбешивают» в ней, есть и в вас. Она как зеркало плохих качеств, ваших качеств.

– Бред, – выплюнул я.

Будильник на столе издал сигнал об окончании нашего первого сеанса. Доктор свернул бумаги, закрыл папку и, встав, протянул мне руку: «Я не провожаю клиентов. Я уйду к себе в кабинет, чтобы подготовиться к следующему пациенту. Где дверь вы знаете. Предлагаю подумать над ситуацией с зеркалом до нашего следующего сеанса. Предлагаю следующий сеанс назначить на это же время».

Я пожал протянутую руку и одобрительно кивнул. Чувствовал себя, будто на свидании, когда девушка говорит тебе, что сегодня этого не будет. Облом; вот правильное определение.

Доктор ушёл в свою комнату, сквозь открытую дверь я разглядел стены в зелёном сукне. Странно. В нос ударило сыростью.

Сеанс 2. Семья

Томик Стивенсона в твёрдом переплёте лежал у меня на ладони. В голове прокручивал финальную часть предыдущего сеанса. Золотое теснение на обложке, запах времени от страниц влекли обменять драгоценные часы сеанса на одиночество чтения.

Мне всегда нравилась повесть про Доктора Джекила и Мистера Хайда. Не знаю сколько людей согласилось бы иметь осязаемое второе я, которое бы потакала их низменным желаниям. Желание богатства, желание обладать теми, кто нам недоступен, желание наказать, желание убить. Желания её убить у меня не было, никогда, но я был бы не против, чтобы она никогда не появлялась.

– Вы можете заходить, – донеслось из глубин подсознания.

Я оторвал взгляд и увидел доктора в дверях. Жестом он предложил зайти.

Стивенсон подождёт, как и тайные желания.

– Не будем повторять пройденное и пережёвывать это. Думаю, Вы сами должны во всём разобраться, осознав всё, посмотрев на всё со стороны. Поэтому сегодня разберём другого кита – Семью. – он выдержал паузу собираясь с определениями, – Понятие это, очень объёмное, это фундамент нашей личности, её верфь, это климат. Именно оно формирует нас вначале. Его мы придерживаемся, его мы отталкиваем. Что семья для Вас? Меня интересует именно ассоциативный ряд. Начинайте.

– Семья – это родители, – начал я, – они, как стена защищают тебя, заботятся о тебе, помогают, наставляют. Я помню маму, помню отца. Помню их вместе, помню их отдельно,

помню после развода. Помню свои впечатления, когда они были вместе, их внимания, забота, переживания.

Мне повезло, вместе они давали мне укрытие от жизненных невзгод, именно в то время, когда это было нужно. После, когда я вступил во второй десяток, когда начал уже формироваться, как мужчина, они расстались. Сейчас мне трудно судить, что было бы, останься они вместе, но тогда, как я сейчас считаю, это было к лучшему.

Родители начали конфликтовать в моём воспитании, возможно это была верхушка айсберга и причина была глубоко под водой, но это точно была его часть. Отец не терпел отступлений и «жевания соплей», поддерживал мои начинания, говорил, чтобы я смещал фокус на то, что приносит удовольствие, чтобы не тратил своё время на пустых людей и пустые занятия.

Мама придерживалась классики, что надо всё познать, что дают, всё осознать, общаться с широким кругом, пусть и бестолковым, и потом, когда-нибудь это пригодится.

Со временем они друг друга переросли, пропасть между ними становилась шире, а часы молчания дольше.

После развода отец уделял мне столько внимания, сколько мне было необходимо. То же касалось и матери. Безусловно они конфликтовали в процессе влияния на моё сознание, но я старался не показывать, что кому-то отдам предпочтение, чтобы не обидеть каждого по отдельности.

– Но если вспомнить, то всё-таки, к кому-то вы тяготели больше?

– Безусловно. Я жил с матерью, но ближе был отец. Мама создаёт кокон, где спокойно и ты в безопасности, отец показывает жизнь из вне и как с ней обращаться. Получается, что я учился в двух учебных заведениях одновременно, так что ли. Не знаю, что было, если бы это произошло в раннем возрасте. После школы, на втором курсе института, родители договорились, что мне пора жить одному, вот тут-то и пригодился знания отца. И именно тогда мы стали с ним ещё ближе. В эпоху студенчества понятие «семья» расширилось и включило в себя друзей. Пожалуй, это тот момент, где добро и зло соседствуют друг с другом, и формируют тебя. О тебе есть кому позаботиться, но не факт, что завтра они поменяют маски.

Я задумался, вспоминая это. Хорошее перевесило, плохого было мало. Хотя, быть может я его просто не помню. Вытеснил.

– Женился я быстро и рано. 23 года рановато для женитьбы. Там движем ты не головой, а головкой.

Так и получилось, что, когда постель остыла, чувства притупились, мы обнаружили себя на разных планетах, которые сближаются только во время парада планет. Она требовала внимания и поклонения, я же был увлечён работой, новой разработкой – своим дитём. Мной двигало желание реализоваться, и она скорей мешала этому. В общем мы расстались. На наше счастье дети ещё не появились, хотя и жили мы вместе уже три года.

– Задумывались над причинами расставания. Почему так легко это всё произошло? Обсуждали это с отцом, матерью?

Я уставился взглядом в доктора. Этот мозгоправ читает мои мысли походу. Пауза, она нужна для драматизма, но её сейчас нет.

– Я как открытая книга, а вы – мой читатель и, краем глаза, забегаете вперёд.

– Не совсем Вас понял, – подался вперёд Вернский.

– Вы, пауза, читаете, пауза, мои, пауза, мысли. – чеканя каждое из семи слов, произнёс я. Мои глаза были на одном уровне с его.

– Что поделать, такая профессия. Расскажите их.

– Отец меня поддержал, естественно. Это было ему близко. Он и раньше мне говорил, что надо тратить время на то, что приносит удовольствие. Маме жена нравилась, они нашли

общий язык и она хотела нам счастья, поэтому не приняла мою сторону и всячески пеняла на то, что я много слушаю отца, а не думаю своей головой. Вероятно, пример отца стоял передо мной, пример того, что это возможно, что хуже не станет. Скорее всего так. Мы расстались спокойно и оставшись друзьями принесли друг другу больше пользы, чем будучи в браке.

– Она Вам помогала в чём-то, а Вы ей?

– Нет. Просто мы друг другу не мешали.

– Оригинально. Если отталкиваться от всего сказанного, то семья, это те люди, что больше вложили в Вас или это все те, кто оказал влияние?

– Семья, это причина возвращаться, а возвращался я только в два дома, отца и матери.

Голова начала кружиться. Я отпил воду из стакана, что ожидал меня на журнальном столике, и откинулся в кресле. Взгляд выхватил тёмное пятно в углу потолка, начал всматриваться. Покинув кресло, приблизился к месту моего интереса. Это была плесень чёрного цвета, которая начинала расползаться по потолку, завоёвывая белое пространство, словно чума. Оглядев всю комнату, мозг начал отмечать тёмные пятна под кремовыми обоями в ряде мест, в основном на стенах, которые выходили на улицу.

– Доктор, вы знали, что у Вас тут поселилась плесень?

Он следил за моим поведением, и от него не укрылась причина моего интереса.

– Да. Раньше я этого не замечал. Спасибо, что обратили внимание. Надо что-то делать.

– Вам нужно вызвать бригаду по её уничтожению, с этим шутки плохи. До добра она Вас точно не доведёт! – с сарказмом отметил я.

Он подошёл ко мне и взглянул на причину беспокойства ближе. Стоя с ним рядом, я снова уловил стойкий запах сырости, который теперь стал отдавать ещё и плесенью. Мне захотелось скорее уйти. Повернувшись к доктору и решив попрощаться, я заметил лёгкое шевеление у него в бороде. Попытался присмотреться, но детально ничего не увидел. Очевидно показалось. Я открыл ладонь, не дожидаясь звука будильника.

– Не хочу слышать песню палача, – улыбнулся я.

Он ответил мне скромной улыбкой. Не оборачиваясь, я оставил его в кабинете в одиночестве.

Сеанс 3. Работа

Дверь в кабинет доктора была открыта. Я подошёл ближе и ощутил знакомый запах сырости, который с последнего раза очень усилился. Заглянув внутрь и никого не обнаружив, я вошёл и притворил за собой дверь.

Следы плесени в углу увеличились. Под обоями появились тёмные пятна. Было не по себе от этого зрелища. Внутри рождалось острое желание уйти отсюда, всё бросить и забыть. Но разум отдавал команду остаться и пройти всё до конца. Пройти, чтобы вернуть.

Созерцание следом прервали шумы за стенкой, что разделяла комнату доктора с залом приёма пациентов. Создавалось ощущение, что там, за стеной идёт какая-то борьба. Сдавленные голоса, возня, движение предметов. Подойдя ближе, прильнув к двери, я стал слушать. Секунды три и всё затихло. Ручка двери медленно опустилась, готова выпустить наружу то, что скрывалось за ней. Интуитивно мозг дал команду отступить. Дверь беззвучно открылась, и доктор показался в проходе.

– Рад видеть Вас снова. – натянутая улыбка играла на его лице, – у вас всё удачно? Терапия идёт на пользу?

Лицо его имело тонкий налёт грязи. Он протянул мне руку, и я отметил шершавость ладони, которой ранее не наблюдалось. Опустив глаза вниз, обнаружил чёрную грязь, забившуюся под ногти. Манжеты рубашки были в тёмных пятнах грязи. Создавалось ощущение, что жительница стен перекинулась на него.

Жестом он предложил сесть и начать сеанс.

– Третья точка опоры. Что вы сегодня выберете? О чём Вам хочется поговорить? – с нотками волнения в голосе, начал мой психоаналитик.

– Работа, – ответ был готов ещё до того момента, как я вошёл сюда сегодня. – она меня вдохновляет, она ещё один смысл быть тут, в этом мире.

– Отлично. Начинайте. Расскажите, что она для Вас, почему она имеет такое большое значение? Почему она одна из четырёх?

– В институте я подрабатывал дизайнером в одном из тысяч дизайнерских бюро. Имея слова клиента, я воплощал их в форму, создавая что-то новое, удовлетворяя потребности клиента быть услышанным, давая ему возможность почувствовать себя гением, генератором. После института я решил идти дальше. Поняв, что изобретать, придумывать и воплощать – это моё, принял решение развиваться в этом направлении. Сперва работал на международные концерны, потом открыл самостоятельное дело, о котором я вам рассказывал. После сторонние увлечения, которые я также превращал в работу. Я был фартовый, мне сильно катило. Судьба – цепочка событий, которые приводили меня к определённому решению, из которого рождалось новое, сверхновое.

Словно жадный до впечатлений экстремал, я начинал новое, жил им, а потом отдавал продолжателям, которые были способны это сохранить, понять мою идею и развивать дальше. Всё сделано для новых начинаний. Всё сделано для того, чтобы не зарывать свой талант в чём-то одном.

– Вы делали это ради денег?

– Нет. Деньги вторичны. Когда ты имеешь 6 костюмов, сшитых на заказ в лондонской мастерской, когда твой автомобиль Тесла, когда дом твой в фешенебельном районе города, то ты понимаешь, что золото не украсит это всё, а только придаст привкус пошлости. Обогащение – это не моё. Мой наркотик – это освоение всего нового, то что по душе. То, от чего ты получишь удовольствие. То, от чего твой мозг испытает оргазм. Работа – это призвание, это то, что ты делаешь лучше всего, то, к чему хочется возвращаться, то, от чего не хочется отрываться, захлёбываясь мыслями. Ты просыпаешься с новой идеей, которую тебе хочется реализовать.

Подобную философию я проповедую у себя в фирмах. Если человек не любит свою работу, то и максимума он не достигнет, а значит не принесёт необходимого результата. Зачем мне такой работник.

Однажды я посетил Лас-Вегас, пытаюсь понять суть и основную идею людей, которые приезжают туда. Пообщавшись со многими посетителями, как за автоматами, так и за столами, выяснил для себя ряд моментов:

– люди едут, чтобы отдохнуть от работы, от обыденности, от рутины;

– люди едут, чтобы выиграть деньги, так как верят в чудо и удачу, хотя по мне это одно и то же;

– люди, которые потеряли стержень в этой жизни;

А теперь представьте, что все эти люди получают удовольствие от своего дела? Разве тогда нужно отдыхать? Нет, ведь ты отдыхаешь работая. Тебе нужны будут деньги, их у тебя будет мало? Нет. Работая в удовольствии, ты заряжаешь идеей всех вокруг, люди начинают верить в тебя, вкладывать деньги. Источая энергию, живя идеей, ты достигаешь многого. Тут главное не тратить своё время на пустоту. Пустые встречи, разговоры, люди, дела. Люди не любят умных и готовы навредить тебе, с гораздо большим удовольствием, чем помочь.

– У Вас были такие случаи, когда вам вредили?

– Бывали.

– Это зависть или нетерпение вашего высокомерия?

– Считаете меня высокомерным, доктор?

– Тут лучше вы сами ответите, если разберёте Ваше отношение к людям. Возможно их жизнь сложилась хуже и не так ярко, как Ваша, но ведь и муравьи для чего-то нужны.

– А ответы на поверхности, – подытожил я.

– Именно, – поддержал меня доктор. Закрыв папку записей, добавил. – Думаю на сегодня хватит, буду ждать Вас в следующий раз, как обычно.

Мы одновременно поднялись со своих мест. При подъёме, из рукава Вернского выпал средних размеров жук. Не успел он упасть на ковёр, как доктор придавил его ботинком. В тишине раздался хруст ломающихся надкрыльев.

– Лето, насекомые. – попытался оправдаться хозяин кабинета и убрал с жертвы ногу.

Пятно, представлявшее собой месиво из поломанных крыльев, надкрыльев, кишок, внутренней жидкости и оторванных лапок, «украсило» великолепный ковёр с коротким ворсом.

Мой взгляд наблюдал картину преступления, а после перешёл на лицо убийцы, которое отражало смятение. Я смотрел ему в глаза, пытаюсь понять, что им двигало.

– Возможно, это моё казино, – снова угадав мой немой вопрос, произнёс доктор.

Движение в его бороде сместило ракурс внимания. Я увидел, как из бороды показались длинные усы жука. Заметив это, доктор прикрыл живые антенны рукой и торопливо покинул кабинет

С одиночества начался этот визит, одиночеством и закончился. В завершение, оглядывая комнату, мне показалось, что под обоями что-то есть, и оно двигалось. Плесень расплзлась, запах сырости забивался во все щели, во все складки моей одежды. Приступ тошноты накатил на меня, и я спешно покинул помещение.

Сеанс 4. Любовь

Постепенно я становлюсь частью этого места, иначе как ещё объяснить то, что я пропах местным ароматом. Что уж говорить, даже манжеты рубашки заимели темноватый налёт. Хорошо хоть, что мой любимый костюм темноватого оттенка, и грязь не так заметна. Я вскинул левую руку, обнажив запястье, и взглянул на свои старые часы с монохромным дисплеем. Доктор задерживался уже на полчаса. Дверь была заперта. На стуки никто не реагировал. Запах сырости смешался с запахом плесени.

Даже книги покрылись налётом. Слой лака на журнальном столике треснул. Время тянулось неумолимо долго, казалось, что я тут сижу, уже несколько часов, или дней, а быть может месяцев.

Звук шагов, поворот ключа.

– Заходите. – слова доктора, словно пропуск в дорогой клуб.

Оторвав задницу от одного кресла, я перенёс её в другое.

Комната доктора выглядела ужасающе. Сквозь обои были видны подтёки, плесень обрела вторую жизнь в этом месте. Влажность витала в воздухе, пробираясь сквозь пазухи носа глубоко в лёгкие, с сильным желанием там поселиться надолго.

Доктор, словно часть единой картины, выглядел не лучше. Его зелёный кардиган был потрёпан, с масляными пятнами и торчащими нитками из него. Грязные пятна покрывали рукава. Когда он брал своё блокнот для записи, я отметил черноту его рук.

– Доктор, простите, а вы руки не моете по каким мотивам? – поинтересовался я.

– Я садовод-любитель. Копался с растениями у себя на заднем дворе и не заметил времени. Когда опомнился, времени на привести себя в порядок, уже не было, к Вам торопился, –

и он взглядом дал понять, что дальше продолжать не стоит и пришло время вспомнить, кто тут пациент.

– Понятно. – выдохнул я.

Он устался в записи, листая страницы вперёд и назад, наконец остановился.

– Что ж, сегодня последний сеанс, после которого вы займётесь самоанализом. Тема сегодняшнего разговора: Любовь. Ваш четвёртый элемент.

Четвёртый элемент, как он ловко подметил. Четыре опоры, четыре сваи под домом, с табличкой «Моя жизнь». Жизнь, которую я потерял.

– Как я уже говорил, у меня была жена. Была, но недолго. Будучи молодым, я воспринимал это, как любовь. Все эти бессонные ночи, всё это безумство. Обсуждение фильмов про героев комиксов. Походы на выставки, совмещённые с занятиями сексом в туалете. Всё это было любовью, тогда. Потом, угасание пламени страсти, отчуждение, недопонимание и расставание. Спустя год мы вспоминали прошлое, те счастливые моменты, но понимали, что сейчас между нами ничего общего нет. Мы абсолютно чужие люди. Возможно, если бы у нас появились дети, всё было бы по-другому, и общей темой были бы дети, но их нет, а мы не вместе.

После жены было много женщин, но за страстью приходили те же ощущения. Только теперь страсть была короче. Хотя может так оно и лучше, никто не мешал мне расти профессионально.

Два года и три месяца назад я встретил её, на ипподроме. Заимел привычку ходить на скачки, возможно казино привело меня к этому. Помните: цепь событий. Мне нравилось смотреть на лошадей, на людей, которые страстно желают выиграть. За эмоциями, переживаниями, радостью и разочарованием. Я был зрителем в этом театре эмоций. В одно из посещений заметил её. Она тоже эмоционально переживала, тоже болела и чем-то пленила меня. Сам я стеснительный на знакомства с дамами, но тут я проявил смелость и подсел к ней, заведя непринуждённую беседу о причинах её визита в это место. Это было началом. Из-за моей занятости мы много переписывались и редко встречались. Мы познавали друг друга через внутреннее я. На третьем свидании, которое случилось спустя три месяца после нашего знакомства, мне стало понятно, что люблю её и больше не хочу расстояний между нами.

Доктор, знаете, до неё я думал, что близкий человек это тот, с кем можно поговорить взахлёб. С ней я понял, что близкий, любимый человек – это тот, с кем можно с удовольствием помолчать. Помолчать держась за руки. Для любви не нужны слова.

В помещении повисал пауза. Внутри меня блуждали мои собственные слова: «с удовольствием помолчать».

– А что вы сейчас чувствуете в Ваших отношениях? – направлял меня Вернский

Я всё ещё повторял свои слова и не сразу откликнулся на вопрос доктора. Ему не нужно было повторять, просто я включился позже.

– Сейчас нет нас. Я её потерял. – кратко оборвал я.

– Что-то случилось? – доктор продолжал вести.

– Это было во время нашей прогулки на лошадях. Ипподром, не зря нас соединил. Мы скакали по полю, галопом, пытаюсь обогнать друг друга, пока, внезапно, моя лошадь не провалилась ногой в неглубокую яму. Я кубарем слетел с лошади, больно ударившись головой при падении. Придя в себя, я видел её прекрасное лицо, её глаза, наполненные слезами, её губы. Потом я снова закрыл глаза, а открыв их не увидел свою любовь. Она исчезла. И я не знаю, где она.

– Осмелюсь предположить, что выход из вашей ситуации – это понимания того, где она и где вы. Осознав это, вы вернёте её. – и он пристально посмотрел на меня.

Я, потирая взмокший лоб, посмотрел на него, пытаюсь найти ответ. К сырости и влаге прибавилась духота. Взгляда хватило, чтобы испытать отвращение. Его борода шевелилась. Вот слева показались усы, а потом из волос показался жук. Одновременно с его появлением,

я заметил, как по плечу мозгоправа пробежала сколопендра и забралась за воротник. В этот же момент, краем глаза, я увидел активные движения под обоями, образующие волны. К горлу подкатил приступ тошноты.

– Думаю на этом всё. Наши сеансы закончены. Мне пора возвращаться к своим растениям. – мой психоаналитик встал и направился к двери второго помещения. Каждый его шаг сопровождался падением на пол, сыпавшихся с него насекомых, которые разбежались по разным углам, забиваясь в щели.

Меня мутило. Шум под обоями усиливался, чёрные узоры плесени разрастались по живым стенам. Волны, поднимавшиеся снизу наконец-то дошли до верха. Через край начали показываться насекомые. Они сыпались вниз и разбежались, ещё мгновение и полотна обоев начали опадать, высвобождая армию членистоногих, которые уже не боялись и не прятались, а искали жертву.

Словно в замедленной съёмке я развернулся и бросился в сторону выхода. Всё так медленно, а они такие быстрые.

Помню в детстве, я катался на трёхколёсном велосипеде, и случайно упал в проточную канаву, полную насекомых. Как сейчас помню, я лежу, зову на помощь, а вокруг меня снуют водомерки, жуки, червяки. Жуткое воспоминание. Вырвавшись из кабинета, я распахнул вторую дверь и выскочил в темноту.

Эпилог.

Собственный крик вырвал меня из сна. Кричал долго и когда затих, то услышал посторонний шум и почувствовал шевеление в ногах. Было темно, очень темно. Руками я начал ощупывать, что меня окружает. После недолгого исследования, стало понятно, что нахожусь в узко замкнутом пространстве. Подушечками пальцев ощутил прикосновение шёлка, местами немного влажного.

Вспомнив про часы, я включил подсветку на них и огляделся. Долго не верилось в происходящее. Очень хотелось, чтобы это был сон, а то что было ранее сном, стало явью. Шёлк, подушечка, костюм, лакированные туфли – я был в собственном гробу.

* * *

Воздух подходил к концу. В истерическом состоянии я давил лакированными ботинками насекомых, которые вываливались из дырки в крышке гроба. Крики, не помогали. Силы подходили к концу, а рассудок покидал меня. Последнее, что помнил, как десятки тоненьких лапок касаются рук, и как множество ног несёт сколопендру, по вздувшейся артерии шеи, в сторону правого уха.

...и только смерть разлучит нас?

2015

Любовь. Чувство, которое поглощает нас, и чувство, которое может нас убить. Как жить, если любишь, но не любим? Как жить, если любим, но не любишь?

Как жить, если любишь, тебя любят, и ты любишь так, что мир вокруг невозможен без неё. Так, что хочется уноситься в облака безмятежной любви каждый день, прямо с утра, как только открыл глаза, снова и снова. И всё потому, что ты рядом с ней, а она рядом с тобой.

Как жить, если есть такая любовь, но судьба отмерила ей совсем немного времени.

Мы познакомились 2,5 года назад. Судьба нас свела на выставке «Лучшие фото журналов за 2012 год». Заинтересовавшись фото иранской женщины, которая сбежала от мужа и его родственников, за что лишилась кончика носа и ушей. Помню, я застал её в смятении и ужасе от снимка, в непонимании, как такое может быть.

– Порой любовь людей, заводит их слишком далеко в своём желании оставить любимого человека подле себя. – нарушил я молчание.

Она встrepенулась, посмотрела на меня, и после недолгой паузы ответила.

– По вашему это любовь? Любовь – это когда ты оберегаешь свою любимую от нападок извне, не говоря о том, что можешь причинить ей вред сам.

– В каждой стране свои понятия любви, у каждого свои порядки. – констатировал я.

– Но так не должно быть, – подытожила она, указывая рукой на фото

Продолжили мы нашу дискуссию в кафе на крыше, что была частью выставочного комплекса. Было лето, тёплый июльский вечер. Разговор был не простой, в ней жил протест, сомнения на поверхности, и жажда любви внутри. Я ушёл в сомнениях. Она влекла меня, но я не понимал чем. И на следующий день, рано утром я позвонил ей. После мы уже не расставались.

Так было 2 года, пока она не оставила меня. Оставила меня одного. Я как та девушка с фото, и жить могу, но жизнь эта, красотой не блещет.

Всё началось с легкого недомогания. Когда мы были в местечке под названием Кубеллес, близ Барселоны. Ей стало дурно, её бросило в пот и она потеряла сознание. Придя в себя, она уверила меня, что ей лучше. Мы решили, что Господь послал нам первенца. Радость поглотила нас.

Но то, что мы приняли за первые лучи беременности, оказалось редкой болезнью, название которой субарахноидальное кровоизлияние.

По возвращению домой, данный инцидент повторился, но к нему прибавилась тошнота, и жуткие головная боль. Немедленная госпитализация, реанимация и конец. Белый свет для неё и чёрный для меня. Врач сказал, что шансов у неё не было, странно, что она до реанимации дожила.

Пока её не увезли в реанимацию, я всё сжимал её руку, такую нежную и такую тёплую, наполненную жизнью и светом.

И вот я вдовец.

В этот весенний день, солнце, как никогда светило ярко, и свежий ветер перемен, разносил благоухания наступающей весны. Я шёл по проспекту Металлистов, в направлении Якорной улицы. Путь мой лежал на Малоохтинское кладбище. Там покоилась она, та кто оставила меня полгода назад, по несправедливому стечению обстоятельств.

Я прихожу сюда практически каждые две недели. Она меня не отпускает.

За эти полгода, я так и не смог отпустить себя от неё. Фотографии, книги, фильмы, видео, всё то, что другие прячут в чулан или относят на помойку, всё это жило во мне. Я этим питался духовно, поддерживая себя на иллюзорных крыльях любви. Не смея себе допустить и мысли о том, что можно забыть, отпустить и увлечься. Друзья практически исчезли из моей жизни, я их вытолкнул из неё, за их отчаянные попытки меня спустить на землю и вернуть жизни социума. Социум без неё. Если кто и навещал меня, то возможно лишь с той целью, чтобы провести, не стал ли я, есть мух и пауков и ждать своего Дракулу.

Стоя у могилы и предаваясь воспоминаниям, бормоча слова любви себе под нос, я стал ощущать на себе пронизывающий взгляд, будто кто-то хотел заглянуть ко мне в душу. Дрожь пробежала по моему телу, стало зябко. Я поднял воротник. Оглядевшись вокруг, я ничего не обнаружил. Где-то вдалеке сторож убирал листья. Я снова обратил свой взор на могилу своей любимой, на её фотографию, мне показалось, что она улыбается, но улыбается с какой-то усмешкой. Внезапно краем глаза я уловил какое-то движение слева. Резко повернув голову, я увидел девушку, сильно похожую на мою любимую, она удалялась вглубь кладбища, пытаясь раствориться среди деревьев и надгробий. Сперва опешив, промедлив секунды три, придя в себя, я бросился бежать за двойником моей бывшей жены. Спотыкаясь, и по пути разорвав плащ об ограду могилы, какого-то военного, я старался догнать, как мне казалось, мою единственную. Пробежав так с минуты 2, и потерпев фиаско в своей погоне, я остановился. Отдышавшись, собравшись с мыслями, я снова огляделся – её призрака, а я уже стал полагать, что это был он, нигде не было. Возможно, это были галлюцинации, весеннее обострение. НО нет, это была ОНА. В определённый момент времени я понял, что удалился от дороги, и сейчас был в дальнем конце кладбища, в месте, где могилы уже поросли мхом, из некоторых уже выросли деревья, у других же надгробья треснули от времени. Вокруг ни души, только я.

Как вернуться назад, какая тропинка ведёт к нужной аллее? Понимания у меня не было. Я стал блуждать по кладбищу, пытаюсь восстановить в памяти, как я сюда добрался. На глаза попалась вырытая яма, видимо, тут не так всё заброшено, как показалось, кто-то планирует тут скоро успокоиться навечно.

Солнце уже пропало, наступали сумерки. Я всё блуждал по кладбищу, в поисках выхода. В определённый момент страх отступил, и я стал с интересом рассматривать могилы, что попадались у меня на пути, каждая из них скрывала в себе историю, хранила в себе жизнь. Часто попадались могилы супругов, которые долго не могли выдержать друг без друга, и уходили в мир иной, с разницей максимум полгода. Любовь не даёт тебе другого шанса, она забирает тебя с собой. Резки скрип вырвал меня из моих рассуждений, подняв глаза, я увидел огромную фигуру человека, который вёз перед собой тележку. Именно тележка издавала такой противный звук, звук несмазанных колёс. Поняв, что это моя единственная надежда выбраться отсюда, я направился к нему. Выйдя на аллею, по которой шёл не спеша человек, я окрикнул его, но реакции не последовало. Я снова окрикнул его.

– Эй любезнейший, не подскажете, как мне отсюда выйти?

Человек, не выживив никакой реакции, продолжал идти вперёд, делая тяжёлые шаги и толкая перед собой телегу наполненную грязью и торчащими из неё тонкими сучьями. Его шарканье выдавало в нём человека неторопливого, хотя действительно, куда ему тут торопиться?

Догнав его у раскачивающегося на ветру фонаря, я одёрнул его за рукав. Вблизи он оказался ещё больше, чем казался издали. Неприятный запах влаги и тления исходил от него, пробиваясь в рецепторы обоняния, заполняя их и вызывая чувство тошноты. Стараясь не обращать внимания, я снова одёрнул его.

–Извините, я тут заблудился, не подскажете, как мне выйти отсюда.

Человек поставил тележку, и выпрямившись остался стоять. На пальцах своих я ощутил влагу, песок и примесь слизи. Я поднёс их к носу, чтобы понять, что это – запах был сладковатый и приторный. Что же с ним такое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.